

ПАВЕЛ ГУШИНЕЦ

ГОДЫ В БЕЛОМ ХАЛАТЕ

Павел Гушинец
Годы в белом халате

«Четыре четверти»

2020

Гушинец П. В.

Годы в белом халате / П. В. Гушинец — «Четыре четверти»,
2020

ISBN 978-985-581-281-5

Сборник включает истории из нашей жизни. О военнослужащих и гражданских, о больных и здоровых, о студентах и преподавателях – об обычных людях, которых так или иначе связывает медицинская тема. Они попадают в глупые ситуации, рискуют жизнью, совершают геройские поступки и потом жалеют об этом. Но главный герой всех рассказов – человек в белом халате, внимательный и ироничный последователь Гиппократа.

ISBN 978-985-581-281-5

© Гушинец П. В., 2020
© Четыре четверти, 2020

Содержание

Байки военного врача	7
Дорогой гость	7
Война с забором	10
Машина – в огне!	11
Легенды призыва	13
Эпидемия	15
Будочка	17
Учения	18
Фродо, отдай кольцо	23
Как я был сволочью	25
Скоро дембель	33
Несвежий взгляд на дедовщину	36
Сталкер поневоле	38
Пришелец и ушелец	40
Девяностые в районной вольнице	43
Ночные гости	43
Опалённые зоной	44
Гвозди бы делать из этих людей	46
Ванька-встанька	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Павел Гушинец

Годы в белом халате

Сборник рассказов

© Гушинец П., 2020

© Бука Н., обложка, 2020

© Оформление. ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2020

Автор выражает благодарность своей жене Юлии Линеицовой за безграничное терпение, поддержку и веру в писательский талант; прекрасному художнику-иллюстратору, автору обложки Надежде Буке; моим первым критикам и редакторам Денису и Алёне Фалевичам и врачу-кардиологу Леониду Львовичу; моим консультантам: врачу-паразитологу Екатерине Бондарь, врачам-педиатрам Юлии Руденко, Екатерине Халаевой, врачу наркологу-психиатру Марине Полозковой, капитанам ВС РБ Александру Кротову, Николаю Люеву, Вадиму Лобану, майорам медицинской службы Владимиру Белянко и Виталию Шуляку, старшему сержанту ВС РБ Михаилу Давыдёнку, врачу-гигиенисту отдела радиационной гигиены Алисе Казючич, врачу-терапевту Марине Царенюк, биологу-орнитологу Эдуарду Монгичу, медрегистратору Анастасии Доценко, полковнику медслужбы Юрию Анатольевичу Савченко; директору ночного ресторана Эльшану Гаджиеву, барменам Ильгару, Александру, Олегу; широко известному

в узких кругах книготорговцу Евгению Кагарлицкому; сайту Pikabi.ru и всем моим 15 тысячам подписчиков и читателей, а особенно моим читателям Евгению Максиму, Максиму Циганивскому, Марии Исламовой, Марии Шастинной, Марату Фаррахову, Александру Романькову, Дарье Трушиной, Гульнур Лозинской, Дарье Кустовой, Николаю Горбунову, Ольге Хорош, Павлу Васильеву, Марине Горбуновой, Светлане Чекушкиной, Елене Чернышовой, Кристине Титовой, Дарье Галенко, Дмитрию Елисееву, Наталье Третьяковой, Анне Казмерчук, Михаилу Есипенко, Владимиру Закурдаеву, Никите Недожогину, Сергею Ганжикову, Владиславу Сирику, Екатерине Саратовой, Никите Чернявскому, Денису Василёнку, Анне Беликовой, Дмитрию Сульжичу, Максиму Бакушину, Арслану Газизову, Сергею Блинову, Илье Волкову, Сергею Лапину, Веронике Мейнарт, Алексею Румянцеву, Игорю Матушкину, Илье Рябкову, Алексею Сырых, Илье Плоткинсу, Виктору Бредихину, Алексею Жавнерику, Александру Шеремету, Дмитрию Кушчеву, Екатерине Егорьевой, Роману Безуглому, Михаилу Цветкову, Андрею Дезесару, Олегу Романьчу, Марии Шокуровой, Никите Недожогину, Владимиру Наумову, Михаилу Чернышову, Илье Орлову, Сергею Лебедеву, Александру Першину, Илье Пономарёву, Алексею Семёнову, Павлу Григоренко, Ивану Андрееву, Сергею Молькову и Максиму Пучкову, без которых этот проект не получился бы.

Байки военного врача

Дорогой гость

Было это в те смутные годы, когда наше правительство пыталось дружить с Южной Америкой, Африкой и Азией и почему-то совершенно не хотело дружить с Европой. Именно тогда я служил в воинской части в качестве старшего лейтенанта медицинской службы и делал вид, что я всё знаю и умею.

Именно тогда у меня появилось несколько приятелей-военных. Таких же, как и я, молодых лейтенантов и капитанов, переведённых в нашу часть твёрдой рукой Министерства обороны. Про одного из них этот рассказ.

Как-то утром в части начался переполох. Всех собрали в огромном актовом зале Дома офицеров, на трибуну вышел командир и торжественно прогремел в неработающий микрофон:

– Товарищи офицеры, на следующей неделе нашу страну с дружественным визитом посетит министр обороны южноамериканской республики Большая Патагония (название изменено – ибо военная тайна). Принято решение пригласить министра в нашу часть, как самую образцово-показательную в данном регионе. Мы с командованием долго думали, что показать высокому гостю. И решили разыграть батальную сцену из времён Великой Отечественной войны.

Командир сделал паузу. Наверное, он ждал долгих продолжительных аплодисментов, но народ безмолвствовал. Генерал кашлянул и заглянул в листок, лежащий на трибуне.

– Мы тут набросали кое-какой сценарий. Сначала в атаку пойдут немецко-фашистские захватчики, силами пяти танков и до полусотни единиц пехоты они прорвут нашу оборону. Но потом бойцы Красной армии воспрянут духом и обратят захватчиков в бегство. Реквизит возьмём на телевидении, я договарюсь. Танки покрасим.

– Ага, и «Тигры» из музеев пригоним, – вполголоса сказал один из моих друзей, старший лейтенант Сергей (имя изменено – военная тайна).

Генерал обладал телепатическими способностями, поэтому фразу лейтенанта услышал.

– Под «Тигры» перекрасим наши танки. Ничего, побудут немного немецкими. А вы, товарищ старший лейтенант, будете гореть.

– Как это? – икнул Сергей.

– По сценарию во время наступления один из наших танков будет подбит. Бросим несколько дымовых шашек. А из люка выберется объятый пламенем танкист и упадёт, сражённый вражеской пулей. Мы решили, что это будете вы.

– А можно я откажусь? – с последней надеждой спросил Сергей.

– Товарищ старший лейтенант, вам Родина приказывает...

Ну, раз Родина – кто ж тут откажется.

Готовились в лихорадке. К деревьям проволокой привязали опавшие листья. На газоны спешно набросали вырезанные в поле куски дёрна. Трещины на асфальте плаца замазали битумом. Издали приказ, запрещающий личному составу материться в присутствии высоких гостей. Покрасили танки. Половине намалевали красные звёзды, половине, кривые чёрные свастики. На киностудии взяли форму. С оружием получилась накладка, поэтому и бойцов вермахта и красноармейцев вооружили автоматами Калашникова.

Подготовили «гибель танкиста». Взяли старую телогрейку, пропитали спину какой-то горючей гадостью. Прошили изнутри тремя слоями изолирующей ткани.

Утром приехал министр. В часть по раздолбанной дороге влетело три правительственных «мерседеса» и два джипа с охраной. Выскочил южноамериканец. Улыбается, руки всем пожи-

мает, лопочет что-то. Вокруг него кольцо из негров в кашемировых пальто бежевого цвета – внутренняя охрана. ТАКИХ погон, я ещё не видел. Звёзды для них снимали, наверное, с кремлёвских башен. Вокруг внутреннего кольца – внешнее. Из наших безопасников. Рядом с министром девочка-переводчица на высоченных шпильках.

Как говорится, приняли, поговорили и поехали театр смотреть.

А накануне, как назло, дождик прошёл. И перепаханый танками полигон, где должно происходить действие, превратился в море непролазной грязи. «Мерседесы» встали намертво. Министра с охраной пришлось пересаживать в уазики. Южноамериканец по-прежнему улыбался, лопотал и всячески веселился. Наверное, думал, что так по сценарию положено. Типа сафари.

На полигоне для высокого гостя соорудили дощатый помост. Министр сел в кресло, рядом устроилось наше командование. И действие началось.

Сначала с криками «ура!» и «за Гитлера!» в атаку пошли матёрые фашистские сволочи с откровенно славянскими лицами. Впереди всех в эсэсовской форме с ПМ наперевес мчался «арийская белокурая бестия» капитан Джанибекян. Из немецкого капитан знал только «хенде хох» и «Гитлер капут», поэтому подбадривал бойцов исключительно по-армянски.

Красноармейцы не хотели отступать, поэтому в отдельных углах полигона завязались рукопашные схватки с превосходящими силами противника. Игнорируя приказ, немцы матерились. Вермахт пёр, как в сорок первом.

Красная армия быстро пришла в себя и организовала контратаку.

К несчастью, два из пяти краснозвёздных танков взрвали моторами, но не завелись.

– Почему они стоят? – через переводчицу спросил министр.

– Они прикрывают наступление, – не растерялся генерал.

Красная армия пошла в атаку.

– Ну, с Богом, – сидя в танке, перекрестился старший лейтенант Сергей.

Напарник выбросил из люка две дымовые шашки и щёлкнул зажигалкой.

Серёга, объятый пламенем, с воплями и матами вывалился из люка. За танком его приняли два капитана-танкиста, накрыли брезентом, потушили огонь. Лежат, курят, ибо за дымовыми шашками всё равно ничего не видно.

Рядом с танком в грязи лежит убитый немец.

– Пацаны, дайте покурить, – шепчет он. Ибо форма на всех киношная, кто офицер, кто солдат – не разбирает.

– Лежи, гад, ты убитый.

– Суки! Может, я раненый, подползу?

– Лежи! Ты нам ещё за Сталинград ответишь!

– Пацаны, шухер! Министр бежит!

– Какой министр? – танкисты забыли, что они убиты, и поднялись.

А южноамериканский гость так проникся сценой боя, что в восторге вскочил с кресла, перепрыгнул невысокую дощатую оградку и прямо по грязи полигона побежал к подбитому танку. Привычная к таким эксцессам охрана из негров, не жалея лакированных ботинок, бросилась следом. Больше всех было жалко девочку-переводчицу, которая потеряла свои шпильки в двух шагах от помоста и, матерясь, побежала за министром босиком.

Ошарашенное командование части осталось на месте.

Министр хватал танкистов за руки, тряс их, непрерывно лопоча что-то по-испански. С Серёгой полез обниматься. Серёга обмер, видя, как на бежевом пальто министра от его грязной обгорелой телогрейки остаются страшные чёрные разводы.

В общем, спектакль прошёл на ура.

Через неделю нас опять собрали в актовом зале Дома офицеров.

И Сергею объявили УСТНУЮ благодарность от командования за проявленный героизм и артистический талант.

Война с забором

Нашу воинскую часть окружал стандартный советский забор. Забор тянулся километра на полтора, и для прохода сквозь него предусматривалось целых пять КПП. Пятый КПП находился как раз напротив медроты, в которой я служил.

Однажды утром командир проснулся с идеей, что с таким количеством КПП забор недостаточно суров, поэтому было принято мгновенное решение пятый КПП закрыть, а медикам и их пациентам ходить через четвёртый. Но вот беда – напротив пятого КПП располагалась автомобильная стоянка. Кроме того, остановка электрички, на которой в часть прибывали иногородние офицеры, также находилась ближе всего к пятому КПП.

И начался армейский беспредел. Ранним утром вся электричка, одетая в форму, как по команде, совершала бросок через забор. Стремительно перескакивали капитаны и лейтенанты. Отдуваясь и матерясь, перебирались майоры. Поминая командира и его родителей, рисковали жизнью бабушки-поварихи.

Неделю командир ходил довольный своим решением, но однажды узрел на вершине забора 150-килограммового начальника столовой. Командиру стало грустно от того, что его приказ так плохо выполняют. И он велел натянуть над забором колючую проволоку. Он забыл про прапорщиков! Ночью два прапора вооружились специальным инструментом и срезали метров пять проволоки, освободив проход для сослуживцев.

Утром командир приказал починить колючку. Те же прапоры её и починили. А ночью разрезали снова. Через неделю проволока состояла из латаных кусков размером не более метра.

Тогда под фуражку командира пришла новая мысль. Верх забора залили солидолом. Первым в солидол угодил уважаемый всеми майор медицинской службы. Майор нелестно отозвался об умственных способностях командира и пошёл менять форменные брюки. Управу на солидол нашли быстро. Рядом с забором с двух сторон появились удобно помятые куски картона, которые подстилались при штурме преграды.

Командир окончательно расстроился. И как-то вечером решил лично засесть в кустах в засаде, чтоб пристыдить словом и делом наглых нарушителей. И надо было такому случиться, что попался не молодой лейтенантик, не прапорщик, а сам командир медроты. Между прочим, целый подполковник. Он оставил на стоянке свою машину, а обходить полкилометра ограды ему было лень. Вот и подался привычным маршрутом – через забор.

Командир части, слышав шорох приближающихся к переправе шагов, выскочил из засады с торжествующим криком:

– Ага!

– Что ага? – не испугался медик. – КПП открой и прекрати эту войну с забором.

Слово командира – закон. Пятый КПП так и не открыли. Но воевать с забором перестали. Через месяц прапорщики подтащили к переправе пару бетонных блоков, и ежедневный штурм преграды стал ещё комфортнее.

Машина – в огне!

Знаете, какая самая большая опасность для начинающего военного врача? Думаете, проворонить в части тяжёлую пневмонию или прозевать эпидемию брюшного тифа? Как бы не так! Самая большая опасность – это принять дела у предшественника, не проверив толком, что он вам оставляет.

Среди выпускников нашего вуза ходили страшные байки, как новоиспечённые начальники медицинских пунктов годами покрывали из своих зарплат недостачи, оставленные ушлыми прапорщиками медицинской службы. Поэтому на первое место службы все ехали настороженные и запуганные.

Мой однокашник Алексей прибыл в свою часть, представился командиру и пошёл осваивать медпункт. В кабинете его с распостёртыми объятиями встретил старший прапорщик Иванов, который на протяжении последних двух лет являлся И. о. начальника медпункта и теперь готовился передавать дела.

– Как тут вообще? – нерешительно спросил молодой доктор.

– Всё в порядке! – браво ответил прапорщик. – Документы – комар носа не подточит!

Принимай!

И он широким жестом вывалил на стол кипу запылённых папок.

Лейтенант погрузнел. В таком обилии документов грех было не ошибиться. Призраки будущих выплат закружились над его фуражкой. Тем более, что хитромордый прапорщик явно не внушал доверия.

Ну что делать? Стал проверять.

Инструментарий вроде на месте. Лекарства, перевязочный материал, столы, стулья...

Через каждые минут пять прапорщик трагически закатывал глаза и кричал:

– Да что ты тут смотришь? У меня комар носа не подточит! Подписывай и пошли выпьем!

Надо же отметить.

Но лейтенант не сдавался.

Наконец дошли до машины.

А надо вам сказать, что к каждому военному медпункту полагается машина. Этакая разваленная «буханка» времён покорения космоса и кукурузы. Обычно она стоит где-то в парке и медленно рассыпается.

Судя по документам, машина была в порядке. Пробег, путевые листы, списанный бензин.

– Показывай, – решительно вздохнул Лёша.

– А что тут показывать? – засуетился прапорщик. – Машина – в огне!

– В смысле? – не понял доктор.

– В смысле: масло я менял, шины новые, двигатель – зверь! На капоте – мухи не е..., а если и е..., то в тапочках! Я и говорю: машина – в огне! Подписывай!

– Показывай! – в тон прапорщику ответил лейтенант.

Ну что делать – пошли.

Минут сорок прапор водил доктора по всему парку. Наконец лейтенант не выдержал и спросил у пробежавшего мимо сержанта в засаленном комбинезоне:

– Боец, где медицинская машина стоит?

– Да вон там, – боец указал на ближайшие ворота, совершенно проигнорировав гневный взгляд прапора.

– Нашли, – радостно сказал лейтенант. – Открывайте.

– Я, это... Ключи куда-то дел, – замялся прапор. – Да чего там смотреть?! Машина – в огне! Ты что, мне не веришь?

– Верю. Но хотелось бы посмотреть.

Часа полтора безуспешно искали ключи. Наконец лейтенант поймал ещё одного сержанта, узнал, где обитает начальник парка, и выцыганил у него запасной комплект ключей.

Ворота распахнулись!

На четырёх берёзовых чурбачках в полутьме одиноко стоял пустой корпус медицинской «буханки». Без колёс, двигателя, стёкол и даже сидений. Фары были аккуратно скручены и увезены в неизвестном направлении. Корпус, словно потрёпанный непогодой череп, смотрел на своего нового владельца пустыми глазницами.

– В огне, говоришь? – процедил сквозь зубы лейтенант. – В смысле – горела, что ли?

Прапор плюнул и пошёл за запчастями.

Легенды призыва

Сразу после медицинского университета привела меня кривая судьбы в армию. Причём не просто в армию – а старшим лейтенантом, начальником микробиологической лаборатории при медроте. Ощущение было странное. Ещё вчера в джинсах я бегал по столице, оформляя документы, а уже сегодня в неудобной форме с непонятными шевронами и звёздочками сидел посреди пропахшей микробиологическими средами лаборатории. Вокруг шумел сосновый лес. Во дворе какой-то ястреб охотился за воробьями. Издалека доносились строевые песни и грохот солдатских сапог.

Я сидел и думал, как я докатился до такой судьбы.

Через полгода я освоился. Служба была несложная. Ввиду особого положения военного доктора я решительно забил на всякие армейские обязательности вроде утренних построений и заседаний штаба. Сидел в лаборатории со своим микроскопом, лишь изредка выезжая в подчинённые части с проверками. Проверял я в основном столовые и медпункты.

В помощниках у меня числилась лаборантка. Назовём её Анна Николаевна. Было ей на тот момент где-то слегка за пятьдесят, и была она женой отставного полковника. То есть всю жизнь промоталась за ним по просторам Советского Союза.

Анна Николаевна была золотым человеком. Службу понимала лучше меня, молодого офицера, вчерашнего «пиджака». Где-то подсказывала, где-то помогала. В общем, служили мы с ней душа в душу.

Теперь история.

Лаборатория была изолирована от всего остального медицинского корпуса. Вход к нам осуществлялся через двойные двери. Во внутренних дверях на высоте моей головы было окошко с сакральными надписями «Для выдачи анализов» и «Вход воспрещён». Рядом с окошком был звонок. То есть приходит пациент, звонит – мы выходим и между двумя дверями производим все манипуляции.

Утро начиналось с того, что Анна Николаевна принимала поток жаждущих сдать анализы. Это были не только больные, но и те, кто в армии отвечал за питание. То есть повара, хлеборезы и т. д. Поток иссякал часам к двенадцати. После чего я садился за микроскоп проводить над этими анализами врачебную работу. В подробности вдаваться не буду, это все-таки не научный трактат.

Однажды случилась катастрофа. Анна Николаевна ушла в отпуск. Это была хана! Я разрывался между сбором анализов, их обработкой и выездом на проверки! Две недели я не находил себе места, а потом как-то поток схлынул и я даже заскучал.

И вот как-то сижу я в одиночестве в лаборатории, оформляю треклятые бумажки, как вдруг раздаётся звонок.

– Кого это там принесло? – ворчу я, натягиваю на форму халат и плетусь к двери.

Напоминаю: в двери окошко на высоте моего лица. Смотрю в окошко – никого нет.

– Бывает, – я пожимаю плечами. – Полтергейст в армии ещё никто не отменял.

Только разворачиваюсь, чтобы уйти, как откуда-то снизу к звонку протягивается рука.

Я высовываю голову в окошко и встречаюсь глазами с мальчиком в ГОЛУБОМ берете. Ростом мальчик где-то 165–170, то есть над нижней гранью окошка он даже макушкой не торчит.

– Здравствуйте, – от неожиданности вежливо говорю я. – Вам кого?

Мальчик вытягивается в струнку.

– Товарищ старший лейтенант! Я – повар Н-ской мобильной бригады, для прохождения анализов для допуска прибыл.

В моей голове крутилось два вопроса: «Сколько тебе лет?» и «Кто тебя послал?»

Но задал я другой:

– Как же тебя в армию взяли? Да ещё в мобильную бригаду.

Мальчик не обиделся. Видно, этот вопрос ему не раз задавали.

– А я в нашей деревне самый здоровый! – бодро отрапортовал он.

А вы говорите, у военкоматов план не выполняется. Этак мы до Гитлерюгенда докатимся.

Эпидемия

Самое весёлое время в жизни военного врача начинается, когда в часть прибывает молодое пополнение. Бойцы приезжают из разных концов страны, у каждого своя, характерная для данного региона микрофлора, ослабленное нервным напряжением и проводами здоровье. И, как следствие, приблизительно через неделю-полторы после прибытия солдат в часть у нас начиналась повальная эпидемия.

Первая эпидемия настигла меня в чине лейтенанта медицинской службы в огромной учебке. Была слякотная, дождливая зима. Бойцы приехали сопливые, лихорадящие. В городе набирал обороты грипп. В считанные дни все пять медпунктов были забиты до отказа, госпиталь брал на себя только самых тяжёлых, к воротам части стягивались автобусы с мамами и бабушками. Ещё бы, ведь только кровиночку от титки отобрали, как у неё уже страшный диагноз – ОРВИ.

Под больных отвели изолированный первый этаж казармы. Скоро он стал напоминать холерный барак. В огромном помещении на скрипучих железных кроватях метались и бредили полсотни солдат в одинаковом казённом нательном белье. Те из них, которым было получше, выбирались покурить на крыльцо. Вся наша медрота не ночевала дома.

На третий день эпидемии из столицы прибыла ПОМОЩЬ. Целая комиссия в чинах подполковничьих.

– Слава богу! – вздохнули мы.

Но, как оказалось, рано обрадовались.

Важные медицинские подполковники сработали быстро. Они разработали АНКЕТУ для солдат «Почему я заболел?». И мне, как самому молодому, пришлось собирать солдат в актовом зале (привет эпидрежиму!) и задавать идиотские вопросы.

Собрав анкеты, комиссия посчитала свой долг выполненным и уехала.

Эпидемия набирала обороты. Под больных отвели ещё один этаж. Больными числилось уже 50 % личного состава.

И тогда из министерства приехала вторая комиссия. Седые важные полковники в течение двух дней изучали работу предыдущей комиссии. И пришли к выводу, что анкета была НЕПОЛНОЙ. Полковники добавили в анкету ещё два вопроса и снова отправили меня по солдатам.

Бойцы посмотрели на меня, как на идиота, но подчинились. Для полноты картины замечу, что количество больных достигло уже пары сотен.

Полковники прочитали анкеты, довольно кивнули, выпили на дорожку. И уехали.

– Суки! – сказал начальник медроты, кратко охарактеризовав работу комиссии.

Словно в ответ на его характеристику через три дня в часть прибыла третья комиссия. В составе этой был самый главный полковник-терапевт. Мы настороженно встретили комиссию.

И не ошиблись. Начальство в считанные часы приняло меры. Наказали врачей, которые неправильно лечили солдат. И разработали ТРЕТЬЮ анкету.

С анкетой носился догадаться кто? Конечно же, самый молодой.

А надо вам сказать, что к этому времени половина солдат из опрашиваемых уже выздоровела. И мне пришлось бегать по подразделениям, искать бойцов пофамильно и снова пытаться их: «Почему ты заболел?»

Апофеозом этого идиотизма было моё выступление в актовом зале. Я собрал там полсотни солдат из опрашиваемых, вышел на трибуну и сказал без микрофона:

– Пацаны, вы, наверное, думаете, что я кретин?

Бойцы промолчали. Офицеру грубить они уже были не приучены, но ответ читался в глазах.

– Правильно считаете, – сказал я. – Эту... бумажку разработали... полковники. То что они..., я с вами абсолютно согласен. Поэтому давайте заполним её в третий раз и разойдёмся по подразделениям.

К моему удивлению, ни один из солдат меня не сдал. И мой откровенный разговор с ними не дошёл до вышестоящего начальства.

Комиссия уехала. Грипп как-то сам собой пошёл на спад.

Через месяц мне объявили выговор за то, что я эпидемию не предотвратил. И не вылечил её за три дня имеющимися у меня в наличии таблетками активированного угля и аспирина.

Отдельно хотелось бы отметить перлы в анкетах. Бойцы были молодые, а школа не всех успела научить писать.

На вопрос «С чем вы связываете своё заболевание?» бойцы отвечали (орфография сохранена):

– Пошёл на ФИЗО и упацеу.

– Было холодна, ноччу замёрз и забалеу.

– Упацеу после ФИЗо, када шли в казарму замёрз.

Но отдельного упоминания удостоился боец, который грешил на ОЗК. Он написал: «Када учились, одел ЮСеКа и упацеу».

Короче все «упацели». И я больше всех.

Будочка

Может, для кого-то это будет новостью, но раз в год в нашу армию приезжает комиссия, состоящая из офицеров натовских войск. Доблестные европейцы тщательно осматривают имеющееся вооружение на предмет наличия запрещённых видов (химического и бактериологического) и пишут километровые отчёты.

Однажды высокая комиссия посетила и нашу часть.

О проверке стало известно дня за три. Не буду утомлять читателей штампами, как солдаты красили траву в зелёный цвет и привязывали к веткам деревьев опавшие листья. Но было весело.

Утром к КПП по разбитой дороге подъехал запылённый «мерседес», из которого выбрались два полковника. Как в анекдоте – немец и француз. Немец был из восточных. Успел послушать в Советской армии и поучиться где-то в Прибалтике. Отлично говорил по-русски и понимал тонкости нашей службы. Француз был дуб дубом. Ничего не понимал, только глазами хлопал.

Выглядели проверяющие как в кино. Складками на их брюках можно было бриться. В начищенных до зеркального блеска ботинках отражалось небо. Спортивные, подтянутые. В общем, какие-то голливудские актёры, а не военные. То ли дело наши полковники – морды красные, над ремнями солидные пузики, на подбородках раздражение от непривычного бритья. Орлы!

Проверяющим показали часть, гаражи, учебную часть и повезли на полигон.

А на краю полигонного поля стояла бетонная будочка. Где-то в начале пятидесятых кто-то решил, что она там нужна. Вот и стояла. Для каких надобностей – все давно забыли. Но раз по документам проходит сооружение в западной части полигона – значит, пусть стоит!

Солдаты тоже не дураки. В окружающий полигон лес осенью и зимой по нужде ходить холодно. Вот и приспособились – в будочку.

И вот прогуливаются проверяющие по полигону, рассматривают гордо выставленную технику. И тут немец замечает БУДОЧКУ.

– А что у вас там? – спрашивает он у командира части.

А что у нас там? Командир не знает, что ответить. Пожимает плечами, растерянно улыбается и выдавливает:

– Да так, хозяйственное сооружение.

– Так, – хмурится треклятый немец. – На полигоне – хозяйственное сооружение?

– Ну да, – ободряется командир. – На всякий случай.

Немец недоверчиво хмыкает и бодрым шагом направляется к будочке.

В мыслях командиров только одна голливудская картина: как они бросаются вслед за немцем с громким криком «Но-о-о-оу!!» И никто не двигается с места.

Немец отворяет хлипкую дощатую дверцу и смело шагает в темноту.

– Б... – чётко произносит командир.

Немец выходит из будочки, тщательно вытирает зеркальный ботинок о траву.

– Ну, что там? – на плохом английском спрашивает француз.

– Не ходи туда, – отвечает немец. – Там хозяйственное сооружение.

На следующий день будочку снесли. Танком.

Учения

На закате военной карьеры довелось мне поучаствовать в масштабных международных учениях. Назовём их «Отечество-2005», хотя название, конечно, военная тайна.

Проведение учений, как и их подготовка, – дело очень серьёзное. Но и тут не обходилось без курьёзов.

Для начала учения решили проводить в сентябре – начале октября. А что у нас в сентябре? Правильно – грибной сезон. А где самые грибные места? На полигонах, конечно же! И в течение всех учений местные жители, вспоминая партизанское прошлое Родины, просачивались на охраняемые территории и под огнём артиллерии и пехоты выносили драгоценные корзины с грибами.

Они уворачивались от танковых гусениц, ползли под пулями и артиллерийским огнём, дрались с десанниками и спецназом. В общем, если НАТО все-таки решится на нас наступать – пусть это делает не осенью. Иначе местное население, собирая грибы в окопах, в разы усложнит им задачу.

Представляю, что сейчас понесётся критика, что полигон оцеплен патрулями, охраняется и пройти на него нельзя. Но наш полигон – это почти пятьдесят квадратных километров пересечённой местности. Невысокие холмы, заросли кустарника и мелких деревьев. В центре – болотце, распаханное гусеницами танков. Вся эта красота с четырёх сторон окружена лесом, в котором на деревьях висят предупреждающие таблички «Полигон! Вход воспрещён!». Таблички грибниками игнорируются. Так что пройти на полигон даже в дни проведения учений для местного жителя – раз плюнуть.

В первый день мероприятия командование вручило мне путаную карту и озвучило приказ:

– Провести санитарно-эпидемиологические инспекции расположений частей, участвующих в учениях!

Ну я и пошёл.

В бесполезности карты я убедился минут через пятнадцать. Лес и лес. Какие тут части? Часа два блуждаю между трёх ёлок, наконец выхожу к первому лагерю. И тут понимаю, что форма на бойцах не наша. Ага, значит, соседи-союзники.

Передо мной в охранении стоит боец с лицом Тамерлана и даже свои раскосые глаза в мою сторону не поворачивает.

– Дружище, – говорю. – Мне нужна такая-то часть. Судя по форме, это вы и есть?

Молчит.

– Дружище, – повторяю я. И шагаю вперёд.

Боец делает зверское лицо, мгновенно срывает с плеча автомат и целится в меня.

– Твою дивизию! – я отступаю обратно в кусты. – Позови какого-нибудь офицера! Я с проверкой санэпидсостояния.

Боец рычит что-то на непонятном языке. К счастью, в этот момент мимо проходит офицер, замечает нашу с Тамерланом патовую ситуацию и решает выяснить, что происходит. Потом зовёт начмеда, и я наконец оказываюсь на территории лагеря.

– Ты не обращай внимания, – успокаивает меня коллега-врач. – У нас половина бойцов из Калмыкии. Дикае люди попадаются.

С этой частью оказалось больше всего возни. В связи с тем, что треть из служащих относились к мусульманам, им пришлось оформлять спецпаёк. Вместо свиного сала выписали говяжьих сосиски. К счастью, индуистов среди бойцов не оказалось.

С водозабором соседи тоже учудили. Вместо того чтобы привозить воду в цистернах из проверенных источников, они нашли неподалёку заброшенную ферму и врезались в перекры-

тую, заросшую ржавчиной систему. Взял я эту воду на анализ и высеял целый букет. Превышение кишечной палочки в десятки раз, какие-то подозрительные грибы. Накатал их командиру целую петицию.

– Ты, доктор, не мешай нам, – грозно сдвинул брови подполковник. – Мы эту воду кипятим. Я сам её пью. Пока никто не помер. А если через неделю и помрёт – то мы уже не на твоей территории будем. Понял?

Топаю в расположение второй части. Солнышко светит, осенний лес шумит. Иду, жизни радуюсь. А тут из кустов раздаётся отчётливое:

– Стой, стрелять буду!

И характерный лязг затвора.

Стою. Очень неприятное чувство, когда в тебя целятся, а ты даже не знаешь откуда. В переплетении желтеющих листьев показывается расписанное краской лицо. Над лицом косынка грязно-зелёного цвета. Ясно, спецназ забавляется. Они-то мне и нужны.

– Позвонить можно? – спрашиваю у бойца.

– Ручки-то подними, – раздаётся голос сзади. И в затылок мне упирается что-то твёрдое.

– Пацаны, хватит издеваться. Позовите начмеда. Он меня ждёт!

Бойцы связались со своим доктором. Тот пришёл меня спасать.

Пока шла проверка, начало смеркаться. Моё командование договорилось с руководством спецназа, и меня оставили ночевать в лагере. А куда ложиться? Спецназ, в отличие от остальных войск, палатки не ставит. Копают землянки и живут, как кроты. Коллега приютил в медпункте. Сидим, чай пьём, боец-истопник лениво подбрасывает дровишки в печку-буржуйку. Романтика. Ещё бы вместо плечистого капитана-начмеда симпатичная медсестричка...

И тут снаружи грохот! Крики!

– Стой, твою мать! Вали его!

– Что это? – вскакиваю я.

– Сиди, – успокаивает меня медик. – Грибника поймали.

Оказывается, вокруг лагеря – растяжки. На растяжках вместо гранат – сигнальные ракеты. Ломится грибник через кусты, задевает незаметную проволочку, и ракеты взлетают, обозначая нарушителя. А там и бойцы налетают.

– И часто у вас так?

– Третий за два дня, – ворчит медик. – Этот ещё ничего, тихий. А вчера попался мужик здоровый, отбиваться пробовал. Пришлось его потом бинтовать и нашатырь переводить.

Наутро вылез я из землянки спецназа, перекусил по-быстрому из солдатского котла, получил по телефону профилактических триндюлей от командования и пошёл дальше части проверять.

Минут через двадцать телефон в моем кармане начал подавать подозрительные сигналы. Смотрю на экран, твою дивизию, РЭПеры свои «глушилки» включили! Для ближайшего к полигону городка наши ежегодные учения были проклятием. Как начнутся игрища – у половины города мобильники превращались в бесполезные куски пластика. Поэтому в городке нас не любили.

Ну, любовь-то их побоку, а мне теперь что делать? С командованием не связаться, с начмедами частей не созвониться. Одно хорошо – триндюли на неопределённое время откладываются. Иду дальше по кромке полигона. Думаю – буду спрашивать. А тут как раз в кустах три бойца курят.

Подхожу поближе и ловлю сбой в программе. За пару лет в армии привык, что солдаты должны быть определённого вида. Молодые, стриженные, выбритые. И реагировать на офицера хоть как-то. А тут валяется на траве троица – один старый и беззубый, второй с волосами до плеч, а третий вообще с бородой. «Партизаны», – понял я. Партизанами в армии назы-

вают мужчин из гражданского населения, которых на время учений призывают поучаствовать в играх.

Подхожу. На меня партизаны – ноль внимания. Ещё и смотрят презрительно.

– Бойцы, – говорю. – Где здесь Н-ская часть?

– А х... его знает, – лениво потягивается волосатый.

– А вы из какой части?

– Из какой мы части? – старый поворачивается к бородатому.

– Из... надцатой бригады.

– Так это Н-ская часть и есть! – злюсь я.

– Ну, мы-то без понятия, – ухмыляется старый.

Вот, несмотря на все моё человеколюбие, захотелось ему по оставшимся зубам берцем заехать. Но я ж врач.

Пошёл дальше. Смотрю: танк в землю закопанный, сетками накрыт, палатки. Ага, танковая бригада. Нашёл! Солдаты приводят симпатичную девушку в форме. Ух, я там на месте чуть жене не изменил! Медсестра – настоящая славянская красавица. Щёки круглые от утренней прохлады алеют, коса толстенная из-под шапки выбивается.

– Начальник медицинского пункта прапорщик Иванова!

Радует, когда такие прапорщики встречаются. Пошли лагерь проверять. Слово за слово – разговорились.

– Наталья, – спрашиваю. – А как вы тут вообще живете? Месяц в лесу, вокруг две сотни мужиков.

– Да я привыкла уже, – улыбается медсестра. – Хуже всего, конечно, с туалетом. Бойцы для своих нужд выкопали на окраине лагеря траншею и ходят туда. А мне в другой стороне ямку ветками отгородили. Так когда я туда иду – половина лагеря догадывается, куда медсестра направляется. Ещё и партизан в довесок навязали. Эти вообще ржут.

Проверил танкистов, пошёл к артиллеристам. А там мой друг Серёга. Кто меня читает постоянно – помнит, наверное, этого залётного товарища, который и с министром обороны иностранного государства обнимался, и в танке горел.

Сидит злой, матерится сквозь зубы.

– Чего случилось? – спрашиваю.

– Да тут уже каждый день что-нибудь случается! – рычит Серёга.

Оказывается, вчера артиллеристы благополучно отстрелялись по целям болванками. Смотрит Серёга в бинокль на поражённые цели, а в двух шагах от цели бабушка из кустов на карачках выползает и корзину с грибами перед собой толкает. Артиллеристы в эти кусты два десятка болванок всадили – как бабушке голову не оторвало!

Бабушку поймали, за ограждение вывезли, давай опять стрелять. В кустах вой, грохот, хруст какой-то. Поехал Серёга посмотреть, а там лось лежит. Пока сообразил, что это лось, а не очередную бабушку кишками по веткам разбросало, – поседеть успел.

К слову, на этих учениях Серёга попал и посерьёзнее.

Бойцов своих он любовно и беззлобно называл бандерло-гами. К учениям он уже почти год лепил из них бравых воинов-артиллеристов. И, надо вам сказать, ему это почти удалось.

В самом финале учений командир части решил устроить показуху для прибывших на мероприятие высоких чинов из генерального штаба.

Артиллерию расположили на пригорочке, а для командования оборудовали уютный окоп в полукилометре впереди. Серёга командует себе и наблюдает странную картину. Солдат словно парализовало. Оказывается, сержант с утра настраивал их высокой комиссией, пообещал от себя всякие анальные кары, если что-то пойдёт не так. И теперь бандер-логи ползают, словно сонные мухи, руки у них трясутся, глаза безумные. Серёга проклял слишком ретивого сержанта, но деваться уже некуда.

Зарядили, подготовились.

«Огонь!»

Через пару залпов Серёга понял, что попал. Солдат-наводчик его орудия то ли недослышал, то ли перепутал со страху, но ошибся в выставлении прицела. Снаряды рвутся не в дальней дали возле целей, а прямо перед окопом командования. А снаряды боевые!

Упитанные полковники живо вспомнили, чему их когда-то учили в академии, и залегли. На их погоны и фуражки посыпалась земля. Вокруг засвистели мелкие камушки и осколки.

Серёга стремглав мчится к засыпанным штабистам. У тех на лицах смешанные чувства. С одной стороны – радость, что выжили. С другой – предвкушение, какой нагоняй сейчас получит ответственный.

Серёга грустно опускает голову и чувствует, что капитанские погоны с его плеч облетают, как осенние листья.

Обошлось.

На третью неделю учений я понял, что вымотался физически и морально. Дома бывал редко, чаще ночевал в частях, которые я только что проверил, в день наматывал пешком по двадцать километров по лесу. Приполз как-то в военный городок, свалился в прихожей прямо на пол и в лучших традициях князя Владимира кричу:

– Жена, сними мне сапоги!

Жена историю знает не хуже меня, поэтому голову из кухни высунула и отвечает:

– Не хочу розути рабынича! И вообще, я замуж за врача выходила. А тут какое-то чудо лесное приползло.

Вот за что я на ней женился?

Солдаты косячили, как могли.

Один уронил под ноги боевую гранату, а чеку от неё, естественно, швырнул подальше. Благо рядом стоял опытный прапор, успел этого героя из гнезда вытащить.

А как-то промозглым туманным утром стоим с начмедом мотострелков и наблюдаем, как солдаты из выкопанных в слякотной земле гнёзд по целям из автоматов лупят. Дым валит во все стороны. Накануне мероприятия солдаты свои автоматы начистили и щедро маслом полили. Вот и горит всё это добро.

И тут слышим: сквозь выстрелы из одного гнезда хихиканье доносится. Начмед насторожился. Солдаты отстрелялись, затихли. А хихиканье все громче.

– Сука! – рычит сквозь зубы начмед. – Ну, старлей, ежели чего – не поминай лихом.

И осторожно пошёл к хихикающему гнезду. Наклонился над солдатами и ласково так просит отдать ему оружие. Те отдают, не переставая хихикать. Начмед с облегчённым вздохом закидывает автоматы на спину и бежит ко мне.

– Чего там? – удивляюсь я.

– Да видишь, какая влажность с утра! В гнезде пороховые газы скопились и дымовуха от масла. Эти трое надышались и глюки поймали. В моей практике такое пару раз было. Главное – у них сразу оружие забрать, а то, может, им черти пригрезятся, они и начнут отстреливаться. Ничего, сейчас продышатся – отойдут.

Части, выехавшие на полигон, с самого начала разделились на синих и красных. И сразу же начали пакостить друг другу. Делом чести считалось забраться в лагерь противника и примотать к какой-нибудь технике кирпич с корявой надписью «Бомба». Спецназовцы вообще обалдели. Принялись из лагеря людей красть – типа языка брать. По общему уговору, медиков не трогали, но поди ты в темноте разгляди.

И вот выхожу я как-то из палатки по нужде. Темно в лагере – хоть глаза выколи. На подходе к заветной траншее меня мягко глушат по затылку, затыкают рот и волокут в кусты. Каким-то чудом я выворачиваюсь из крепких руки похитителей и сдавленно хриплю:

– Идиоты, я доктор!

– Вот, б... – расстраиваются ночные герои. Небрежно бросают меня в ближайшие кусты и растворяются в темноте.

Одно хорошо: в туалет не сильно хотелось, а то бы пришлось штаны менять.

Пленниками обменивались утром. Обычно «языки» сразу складывали руки и позволяли себя тащить. Боялись, что оглушат по-настоящему. А один похищенный прапорщик-десантник решил просто так врагу не сдаваться. В двух шагах от лагеря он вывернулся из рук «врага», поднялся, встал спиной к дереву и начал отмахиваться тяжёлыми кулачищами от наседающих «ниндзя». В результате не только отбил, но и поверженного противника в свой лагерь при-тащил.

В последние дни учений решили мы со старшими товарищами провести культурную программу. Недалеко от полигона было знаменитое поле. Там в 1812 м Наполеон переправлялся через Березину, был застигнут наступающими русскими войсками, получил неслабых пинков и побежал во Францию ещё быстрее. Из-за этой истории в окрестных лесах и болотах до сих пор ищут его клады, которые якобы в спешке бросили отступающие войска.

В память об этом знаменательном событии в поле воздвигли памятник. Пару десятков лет назад французы прослезились и дали денег на его обновление, поэтому в результате получилось весьма эпичное место.

И так как в ближайшем городке достопримечательностей было мало, свадьбы со всей округи приезжали фотографироваться на это российско-французское кладбище. Красиво, чего там, и пофиг, что под ногами поле битвы.

Решили мы почтить Брилёвское поле своим присутствием и склонить головы над могилами павших в позапрошлом веке воинов. И пофотографироваться, само собой. Было нас всего четверо. Ходим между свадеб, никого не трогаем, памятник рассматриваем. И тут со всех сторон начинают на нас гнать. Мол, чего небритые и грязные вояки лезут в свадебные кадры?! Причём не подошли, не попросили, а сразу орать начали.

Коллеги мои свадьбы портить дракой не стали. Сфотографировались и назад в часть засобирались. А тут из кустов вырывают два грузовика с российскими солдатами. Из кузовов выпрыгивает человек сорок и идут памятник смотреть. Это командование союзной части тоже решило культурную программу провести. Свадьбы застонали и уехали фотографироваться в другое место.

К несчастью, во время данных учений не обошлось без пострадавших. Один из офицеров спецназа во время ночного боя попал под гусеницы танка. Жизнь ему спасли, но парень навсегда остался инвалидом.

Вторая жертва была глупой и нелепой. На одной из дорог застрял в непролазной грязи союзный БТР. Чтоб его вытащить, подогнали танк, привязали стальными тросами и дёрнули. Один трос не выдержал, лопнул, и его концами почти перерубило стоящего слишком близко солдата.

Были сломанные руки и ноги, обожжённые лица, перебитые носы, партизаны, отравившиеся палёной водкой.

В конце наш командующий и офицер от союзников пожали друг другу руки и договорились встретиться в том же месте в следующем году.

Собирались союзники экстренно. Не спали двое суток. Наверное, поэтому в финале один из солдат-водителей вырубился прямо за рулём САУ. Саушка кувыркнулась с железнодорожного моста, к счастью обошлось без жертв.

Фродо, отдай кольцо

Есть у меня приятель, который каждый год второго августа достаёт из шкафа тельняшку и голубой берет и идёт в парк петь «Расплескалась синева...». В остальные дни года он хороший врач-хирург, очень вежливый и тихий. А татуировки на плечах белый халат скрывает.

От него следующая история. Если будут какие-то нестыковки – все претензии к источнику.

Есть у десантников оригинальная забава. Выбрасывают их над каким-нибудь лесом, километрах в двадцати от части, а от места десантирования до родных казарм воины неба должны нестись быстрой рысью, чтоб поспеть в столовую к обеду. При этом мероприятия не спрашивают – врач ты или, к примеру, писарь в штабе. Десантник? Пожалуйте в самолёт.

В один прекрасный день моего приятеля, назовём его Игорем, вытащили из тёплого медпункта, где доктор занимался лечением очередного страждущего, и построили на плацу вместе с рядовым составом части.

– Товарищи бойцы! – начальственный рык командира раскатился по окрестностям и заставил стаю галок сняться с насиженных мест. – На вторник у нас планируются учения в районе полигона Б. евск. Объясняю задачу! Высаживаемся, собираетесь в точке Н. И чтоб в 14.00 как штык были в расположении части! Ответственным за проведение мероприятия назначается капитан Иванов! Вопросы есть?

Какие у десантников вопросы?

Ранним утром доктора затянули в жёсткие ремни парашютов и вместе с толпой возбуждённо сопящего молодняка затолкали в самолёт. Игорь сидит, тихо про себя ругается и мечтает о том, как он на гражданке будет с молодыми медсёстрами кофе пить. Ну и нервничает, естественно. В его офицерской жизни это третий прыжок. А во время второго Игорь ногу вывихнул.

Сержант заорал что-то. Сквозь шум мотора слышно плохо, но видит доктор: бойцы поднимаются. Значит, пора.

Отворили портал в небо.

– Первый пошёл! Второй пошёл! Третий!

Игорь предпоследний. Сжал зубы, чтоб перед сержантами не опозориться. И шагнул в пустоту. Вместо «триста тридцать один, триста тридцать два...» доктор привычно обругал командира, начмеда и дядю Гришу, отцовского брата, из-за которого его в своё время отправили на военмед. А потом привычным отработанным движением рванул скобу от груди. Купол благополучно раскрылся. Доктор летит, место для приземления выбирает.

И замечает он под ногами какие-то странные вещи. То ли цыганский табор по траве плетётся, то ли ампула промедола сама собой в кровь всосалась. Идут по полю десятка три странно одетых молодых людей. Все в плащах, с мечами и копьями. На щитах, краской расписанных, гербы всякие. Стяги негосударственные под ветерком колышутся. Доктор дураком никогда не был. «Властелина колец» ещё на лекциях в университете прочёл, потому узнал в подозрительных личностях ролевиков из ближайшего областного центра.

К слову, зона высадки десанта по правилам оцепляется патрулями и посторонние в это сакральное место не допускаются. Но то ли ответственный капитан Иванов напутал чего, то ли ролевики при помощи магии Чёрного властелина просочились.

Короче, летит доктор и понимает, что несёт его ветром прямо в стан фанатов Боромира и Арагорна. Тут доктор снова занервничал. Никому не хочется любимой пятой точкой на копье назгула приземлиться.

А на земле в это время какая-то возня начинается. Десантники с неба прямо на ролевиков падают, и вот уже замелькали кулаки, мечи и штык-ножи.

Кто первый начал и что десантники не поделили с поклонниками фэнтези – об этом потом никто впоследствии и не вспомнил. То ли боец, приземляясь, сбил корону с головы эльфийского короля. То ли какой-то гном в пьяном запале посягнул на парашют небесного воина. То ли боец, соскучившийся по женской ласке, попытался, не теряя времени, завязать знакомство с симпатичной ведьмой, а её колдуну это не понравилось.

В общем, когда берцы доктора коснулись поверхности планеты, в месте приземления царил полнейший бардак. Орала ролевики, возмущённые посягательством на их личности. Орала сержанты, пытаясь утихомирить разбушевавшихся бойцов. Визжали барышни в скудных эльфийских нарядах. Где-то в центре колонны дрались стенка на стенку. А на весь этот беспредел, словно листья по осени, продолжало сыпаться десантное подкрепление. Доктор все-таки офицер, попытался принять командование на себя. Да куда там! Вокруг схватка почище битвы Пяти воинств. Копья о десантные головы ломаются, щиты вдребезги. А у десантуры, между прочим, полные рожки боевых патронов. Того и гляди у кого-нибудь нервы не выдержат.

– Всем стоять! – кричит Игорь. Да кто его в этом шуме услышит!

И тут у доктора из глаз звёзды брызнули. Какой-то коварный орк подкрался к нему с тыла и саданул по черепу булавой.

– Твою мать! – только и успел сказать Игорь и пал на колени.

Что тут началось! Десантники бросились мстить за павшего медика. В ход пошли приёмы рукопашного боя и приклады автоматов. Ещё чуть-чуть – и до смертоубийства дойдёт!

К счастью, в эту минуту на холм, у подножия которого проходило сражение, влетел командирский уазик. Из его недр вывалился полковник и своим басом перекрыл весь шум без всякого мегафона. Тирада командира была длинная, и литературными в ней были только предлоги.

Сержанты в считанные секунды отделили зёрна от плевел, в смысле десантников от ролевиков. Любители Толкина отделались парой сломанных носов, разбитым оружием и помятым достоинством.

Десантники выстроились в шеренгу. Из стана врага в них летели злобные взгляды гномов и воздушные поцелуи эльфиек.

– Бегом! – рявкнул полковник. И небесное воинство скрылось среди густых трав. Последним ковылял Игорь, у которого от командирского голоса сразу всё прошло и черепно-мозговая травма сама собой рассосалась.

Капитан Иванов получил строгий выговор за отвратительную организацию мероприятия. К командиру приходили из милиции. Кто-то из ролевиков, пострадавших в результате схватки, накатал-таки заявление. Но полковник своих не сдавал. Из принципа. Да и лиц обидчиков толкинисты толком не запомнили.

После того инцидента доктор Игорь как-то к фэнтези остыл. Нынче предпочитает детективы. Их любители хотя бы по голове деревяшками не бьют.

Как я был сволочью

В девяностые годы в армии, как и во всей стране, творилось непонятно что, и на волне этого беспредела некоторые умудрялись зарабатывать деньги. В нашей части это наследие лихолетья выразилось в том, что несколько помещений (в действующей ВОИНСКОЙ ЧАСТИ!) отдали различным предпринимателям. Так в помещении полузаброшенного клуба заработал магазинчик, а в закрытом КПП – что-то вроде кафе для солдат.

Лет десять предприниматели чувствовали себя в полной безопасности. Ни одна проверка, будь то пожарные или санстанция, на территорию части не допускалась! Местного врача, отвечающего за санитарное состояние столовых, ушлые торгаши прикормили. И творили, что хотели.

И тут в город приехал шериф! В смысле на должность ответственного за санитарное состояние части поставили новоприбывшего лейтенанта медицинской службы, то есть меня.

Я был необстрелян, неопытен, но полон радужных мечтаний навести везде порядок. Реакция столовых на появление нового проверяющего меня порадовала. Робкие попытки подсушить мне в портфель бутылку с универсальной валютой я пресёк на корню гордой фразой:

– Я не пью.

Начпроды приуныли. Я накатал пятистраничный акт с кучей нарушений и поставил сроки выполнения. Сразу скажу, что все мои замечания им пришлось учесть, ибо в армии с этим пока строго.

Более-менее разобравшись с контингентом в погонах, я перешёл к гражданским. Недели две я поганой метлой гонял бабок с семечками, сигаретами, водкой и пирожками. Каждое утро эти бабки перелезали забор части, устраивались прямо под стеной медроты и вели свой нехитрый бизнес. От пирожков солдат скрючивало в три погибели, и они приползали ко мне:

– Доктор, дизентерия!

Водка втихую распивалась по ночам в казармах. Да и вообще, нахождение на территории части БАБОК с серыми мешками и клетчатými сумками меня нервировало. Больше всего бесило то, что про этих бабок знали все дежурные офицеры. Но офицеры были местными, бабки приходились им всякими знакомыми-родственниками, поэтому их никто не гонял.

Я вызывал на бабок милицию, выгонял их с помощью гогочущих солдат патруля. Бабки проклинали меня, обещали всякие кары на мою голову, жаловались командиру. Но тут я победил. Бабки переместились за забор и оттуда вели свой коварный бизнес. Территорию за забором я не контролировал.

Пришло время кафе и магазина. Магазинчик сдался быстро. Достаточно было одного акта нарушений, и его хозяйка поняла, что меня лучше слушать. Мигом закупила новое оборудование, витрину-холодильник для скоропортящихся продуктов, выбросила всё просроченное, отмыла с дезсредствами пол и стены.

А вот с кафешкой у меня началась война.

В первый мой визит я слегка офигел. На витринах лежали пирожки и беляши, просроченные дня на три или четыре. Хозяйка закупала эту продукцию в местном привокзальном буфете по смешной цене и продавала это солдатам. Мол, голодные, всё сожрут, и молодые – ничего им не будет! Нелегальная торговля водкой и сигаретами процветала. В кафешке не было воды. Совсем. Ни горячей, ни холодной. Вялая сонная продавщица без головного убора и спецодежды просто вытирала руки о засаленный фартук. Вода на бывшее КПП подведена была, но чтобы за неё не платить – хозяйка отключила все краны. С потолка на головы посетителей и в их тарелки сыпалась побелка. В помещении для хранения продуктов рядом со столами на полу подносами с пирожками лежали зимние шины от хозяйского джипа и битое оконное стекло.

Я присел за пластиковый столик, который не мыли со времён нашествия Наполеона, разогнал жирных нахальных тараканов и наваял АКТ. С кучей нарушений. Поставил срок исполнения – месяц – и ушёл в закат.

Через месяц я вновь приехал в кафешку и понял, что на мой акт положили тот орган, которого у продавщицы и хозяйки по анатомическим особенностям не было. Я грозно нахмурил брови и наваял второй АКТ с предупреждением. А также вызвал хозяйку на разговор. В назначенное время владелица кафешки не явилась. Моим актом воспользовались вместо туалетной бумаги, ни одно из нарушений не исправили. Тогда я попросил у продавщицы телефон хозяйки и предупредил, что буду вынужден закрыть её предприятие, а дело передать в прокуратуру.

Владелица примчалась через пять минут. Пятидесятилетняя бабища с громким голосом торговли с рынка. Она орала так, что даже я, привыкший к богатырским голосам командиров, слегка оглох. Грозил сорвать с меня погоны, выгнать из нашей части, пожаловаться генералам и самому министру обороны.

Я держался как пионер-герой. К счастью, моё непосредственное начальство относилось к медицинской роте, в которой связей у тётки не было. Поэтому угрозы анальных кар со стороны командира части меня мало трогали.

Я предложил решить вопрос миром. Как минимум выдать продавщице униформу, завести ей санитарную книжку, включить воду и перестать торговать просрочкой. И колёса с продуктового склада убрать!

Меня послали в пешее эротическое путешествие и обозвали сволочью.

В процессе разборок приехал тёткин муж. Но в драку не полез, стоял, курил и бросал на меня грозные взгляды.

Минут через пять мне все-таки стали угрожать физической расправой. Я позвонил в медроту, и оттуда в спешном порядке подтянулись два лейтенанта и капитан – мои приятели. Ребята в спор не вмешивались, просто стояли и смотрели, но муж хозяйки понял, что сила не на его стороне, сел в машину и больше не выходил.

Я предупредил тётку о последствиях её действий и протянул третий акт. Бумаги полетели мне в лицо.

– Хорошо, – сказал я.

И уехал.

Военная прокуратура принимать дело отказалась. Они вежливо послали меня к гражданским. А вот гражданские удивили. Меня принял вежливый товарищ в синем мундире, внимательно выслушал, просмотрел все три моих акта, покивал головой и выпроводил.

Через два дня в кафешку нагрянула проверка городской санстанции. Впервые в истории главный санитарный врач города выбил у командира части разрешение, и на владелицу кафе свалилась целая комиссия. Они нашли столько нарушений, что мои жалкие три акта просто рядом не стояли. Вскрылись махинации с просроченной продукцией, с нелегальной торговлей алкоголем и сигаретами, да ещё столько всего, что и перечислять долго. Вслед за санстанцией на тётку по проторённому пути свалились пожарные, налоговики и в финале прокуратура.

Тётка кинулась к командиру части, но тот, почуяв, что пахнет жареным, умыл руки.

Владелице выписали громадный штраф, и ещё долго у неё были проблемы. Санстанция с тех пор приезжала с проверками каждые три месяца. В одну ночь в кафешке был проведён ремонт, подключена вода, вылизан склад, закуплено оборудование, нанята другая продавщица с санитарной книжкой и прочее, и прочее...

В финале меня вызвал в кабинет командир части и, глядя в стол, негромко сказал:

– Доктор, ты это. ты скоро уедешь, а нам тут жить. Не надо так.

А ведь я до последнего пытался решить вопрос мирно.

Солдатские хитрости

Солдат – очень хитрое существо. Особенно если в одиночку. В общей толпе он как-то теряется, глупеет, смотрит на тебя честными пустыми глазами. А по одному это такие гении, что романы писать можно.

Служил я медиком в одной воинской части. Руководил микробиологической лабораторией, состоящей из меня самого и лаборантки, по совместительству проводил эпидемиологические проверки частей в округе. Подчеркну: командование частей на меня не имело никакого влияния. Непосредственное начальство сидело в столице и доставало лишь по телефону и редкими налётами. Поэтому, будучи в чине лейтенанта и старшего лейтенанта, напрягал иногда целых полковников.

Значительную долю моей деятельности занимали анализы поступающих в медроту пациентов, солдат, которых назначали на должности, связанные с приготовлением пищи, а также проведение эпидрасследования из разряда «Почему ты заболел».

Классический день. Прихожу утром в лабораторию: на пороге скрючился в три погибели солдатик в медротовском халате. Стонет, болезный, глаза закатывает. Безруков, короче, отдыхает.

– Что случилось? – спрашиваю.

– Доктор, диза... – умирает у меня на глазах боец.

Сразу предупреждаю. Врачи у нас в медроте были опытные. Если что-нибудь действительно серьёзное случалось – разбирались быстро и по делу. А тут – театр, достойный российского футбола.

– Заходи, – говорю.

Зову лаборантку. Она берёт у больного все необходимые анализы, и солдат уходит.

В анализах чисто. Короче, функциональное расстройство кишечника, высокий болевой порог и большое желание полежать в медроте. Оскара пациенту!

И вот лежит этот болезный в палате, за живот держится, стонет, бегаёт через каждые пять минут в отхожее место. А на выходных к нему кто приезжает? Правильно – мамка! Иду я в субботу по части, а этот Депардьё сидит на скамеечке с женщиной средних лет. Женщина умильно смотрит на дитяtko, а солдат в одной руке держит полторта, в другой – целую жареную курицу. И по очереди откусывает огромными кусками.

Подхожу. Мать смотрит на меня как на врага народа. Солдат чавкает.

– Иванов, твою дивизию! Ты ж на спецдиете.

– Оголодал, сыночка, – плачущим голосом начинает мамаша.

– Сразу предупреждаю: если в понедельник приползёшь – даже не ной.

Солдат кивает, ни на секунду не прекращая жрать.

В понедельник, предсказуемо, прямо с утра появляется у меня в лаборатории.

– Доктор, диза!

– Сука ты, Иванов! Видел я твою дизу позавчера! Кто ж кремовый торт с жирной курицей вприкуску хаваает?

– Доктор! – стонет солдат.

– Добить бы тебя, – мстительно рычу я.

Но клятва Гиппократата, чтоб её!

История вторая. Есть один законный способ несколько дней поваляться в медроте и отдохнуть от солдатской жизни. Какой? Заразиться чесоткой, конечно же! Чесоточные клещи появлялись в нашей части регулярно, вместе с волнами молодого пополнения. В «межсезонье» эта гадость сходилала на нет.

Но не бывает правил без исключений. Как-то зимой, спустя целых два месяца после прибытия новой партии, в моём кабинете раздался звонок.

– Поднимись ко мне, – угрюмо сказал капитан, исполняющий обязанности дерматовенеролога медроты. – У меня тут, кажется, чесотка.

– Да не может быть! – не поверил я. – Последний случай погасили, все сроки вышли!

– Сам посмотри, – отозвался врач.

Прихожу. Сидит зелёный солдатик, только что от сохи. Глазами хлопает. На животе и боках характерные следы. Чесотка, чтоб её, невооружённым взглядом видно!

– Где подхватил? – спрашиваю.

Вопрос бесполезный. Разводит руками.

Ну хорошо, положили бойца в изолятор. Лечим. В казарме проведены необходимые мероприятия.

Проходит неделя. Снова звонок.

– Ещё один, – истерично ржёт дерматовенеролог.

– Да как так-то?! – восклицаю я и бегу к нему.

Надо вам сказать, что каждый случай чесотки в нашей армии – это тот ещё геморрой для медслужбы. Куча бумажек, эпидрасследования, нагоняй от начальства. А тут в не сезон – целых два случая! Начмед намекает, что неплохо бы чесотку записать как дерматит. Но со мной не спорит – уже сталкивались с ним по этому поводу.

В кабинете сидит такой же молодой солдатик. И типичные следы в идентичных местах. Подразделение то же.

– С Н. контактировал?

Глупый вопрос. Конечно, не контактировал и вообще такого не знает.

Лечим.

Через неделю – третий.

И тут умудрённый опытом дерматовенеролог произносит решающее слово:

– Белуга.

Белугой в нашей части называют нижнее бельё казённого цвета, еженедельно выдаваемое солдатам после бани.

– Зуб даю, прячут где-то и передают, – заговорщицки шепчет дерматовенеролог.

То есть солдаты изъяли у больного чесоткой нижнее бельё, прячут его и носят по очереди, чтобы заразиться.

Внезапно выгоняем всё подразделение в баню, изымаем нижнее бельё, стерилизуем. Бесполезно. В изоляторе появляется четвёртый боец.

Мне звонит начальство и вежливо интересуется, какого х... у меня происходит?

Вечером за рюмкой спирта собираемся на консилиум. Я, дерматолог, начмед и пара врачей.

– Что будем делать?

– Надо звать прапорщика Петрова, – говорит опытный начмед. – Он уже двадцать лет в армии. Если он не найдёт – никто не найдёт.

Зовём прапора. Тот выпивает полстакана спирта, крикает, вытирает усы.

– Эх, молодёжь! Ну, пошли!

Приходим в казарму. Прапор выгоняет солдат в ленинскую комнату и, пока те смотрят по телеку гимн республики, переворачивает матрацы. Дно каждого матраца прощупывает пальцами. На пятом довольно подмигивает:

– Есть!

Разрывает шов – вот она, зараза! Грязная, затасканная белуга, в которой, невидимые глазу, копошатся клещи.

Больше случаев чесотки в этом сезоне не было. Вот так прапорщик и стакан водки остановили эпидемию.

А ещё через три дня мне снова позвонил дерматовенеролог и плачущим голосом сказал:

– Гонорея!

– Откуда? – подозрительно нахмурился я.

– А я знаю?! – в истерике орёт врач. – Приходи и спрашивай!

Пытаю бойца. Тот держится, как будто его про участие в «Горбатой горе» спрашивают. Но часа через два раскалывается. Оказывается, на выходных приехал кореш из города, по дороге в деревне подцепил двух незнакомых девиц.

– Ты куда едешь? – спрашивают девицы.

– К другу, в армию! Поедете со мной?

Девицы ломаться не стали. Солдат сходил в самоволку и в ближайшем леске на пару с корешем они этих девиц употребили.

Ни имён, ни примет солдат не знает. Первые не спросил, вторые из-за сумерек не разглядел. Пришлось отправлять его в госпиталь, ибо лекарств для лечения гонореи у нас в части не оказалось.

Борьба за еду

В столовых меня не любили. Я придирался. Можете говорить, что я цеплялся к мелочам, но я считаю, что в жизни солдата не так много радостей, и нормально поесть – это одна из них. К счастью, времена бигоса и щетинистого «мяса белого медведя» в нашей части прошли, и можно было организовать нормальное питание личного состава. Вот только люди у котлов остались прежние. И отношение к своей работе у них осталось прежнее.

Была на моей территории отдалённая часть, в которую я приезжал с проверкой раз в полгода. И всегда меня встречали двое: старший прапорщик предпенсионного возраста – начальник столовой и медсестра – начальница медпункта. С прапорщиком отношения у меня не сложились. Был он очень инертный, на все мои замечания лишь кивал головой и ничего не делал. Так и ушёл на пенсию. Приезжаю в очередной раз, а медсестра мне говорит:

– Поведу вас сейчас знакомить с новым начстоловой. Вчера назначили.

– Прапорщик? – вздыхаю я.

– Прапорщик. Молодой, только звание получил.

В столовой нас встречает парень лет двадцати. Глаза испуганные, нервничает. Мне, честно говоря, жалко его стало.

– Предлагаю на первый раз пройтись по твоим владениям, и я тебе просто, без всяких актов расскажу, что и где нужно сделать. А в следующий раз спрошу. Договорились?

Кивает.

– Бери блокнот, ручку и записывай.

Битых два часа мы лазили по столовой, кухне, продовольственному складу. Нарушений хватало. Я диктовал и рассказывал, как должно быть по СанПиНам и приказам. Прапорщик молча кивал. Наконец мы завершили обход. Я попрощался с новым начстоловой, пожелал ему удачи и пошёл с медсестрой проверять её медпункт.

– Ой, подождите, я сумку в столовой забыла, – вдруг говорит медсестра.

Мы возвращаемся и от двери слышим, как прапорщик громко жалуется повару (стиль сохраняю):

– Приехал, б... Фраер, понимаешь. Надиктовал мне какой-то х...ни. Зачем мне всё это! Правильно Петрович (бывший начстоловой) предупреждал. Та ещё сволочь этот старлей!

– Что будешь делать? – спрашивает повар.

– Ничего не буду делать! Пусть он этот блокнот себе знаешь куда засунет!

– Догадываюсь, – не выдерживаю я.

Прапор даже блокнот из рук выронил.

– Ты учти, – говорю. – Всё, что ты написал, я проверю. И если хоть что-то пропустишь – полетишь ты с должности, как бусел над Полесьем. Если не веришь – спроси у Петровича.

Короче, когда я через месяц приехал проверять выполнение своего предписания – большая часть нарушений была исправлена. Прапор смотрел на меня ягнёнком, но желания жалеть его у меня больше не возникло.

А как-то зимой пришёл мне приказ проверить обед солдат на жирность и калорийность. И да, гигиениста, который этим должен заниматься, у меня в лаборатории тоже не было. Достал из тайника студенческие конспекты, начитался, нашёл на складе необходимое оборудование. И пошёл.

Захожу в ближайшую столовую. Засуетились. Микробиологическую проверку неделю назад проводил – вроде не по срокам. Чего, гад, припёрся?

Я к котлу с готовым супом. Беру баночку и половником черпаю по всем правилам.

– Это зачем? – бледнеет начальник столовой.

– На жирность сказали проверить, – отвечаю. – У вас же всё в порядке?

– Твою мать, – сквозь зубы цедит начстоловой.

И давай меня разговорами отвлекать. Краем глаза смотрю, а к баночке с супом с ложкой подсолнечного масла наперевес крадётся повариха. Типа незаметно плеснёт туда – жирность и в порядке. Красиво крадётся. Её бы в разведку – часовых снимать.

– А вот этого не надо, – я закрываю банку крышкой и ухожу.

Жирность оказалась 30 % от нормы. То есть в вашей воде супа не обнаружено. Доложил, конечно, вышестоящему начальству. На следующий день прилетела бригада карателей в чинах майоров и подполковников. Прошерстили все столовые. Их у меня в части целых пять было. Залетел больше всех один начальник, который не успел из подсобки честно стыренные сосиски и масло убрать. То есть по документам их уже съели, а вывезти не успели.

После этого я в солдатских столовых питаться перестал. Плюнут ещё в суп. Для жирности.

Взятки

Самая распространённая байка про врачей санитарной службы – это то, что они поголовно взяточники. Не знаю. За всю историю работы в данной организации взятку мне дали всего один раз. Натурой. А потом, видимо, стеснялись.

Это случилось в первый месяц моей армейской жизни. В зоне ответственности новоявленного военного эпидемиолога находилось не менее двух десятков различных частей, поэтому знакомство с ними затянулось. Наступает время проверки отдалённой части. А как добираться? Звоню в медпункт проверяемых, представляюсь, прошу выслать хоть какой-нибудь транспорт. На другом конце провода бодрый женский голос обещает всё уладить. Укладываю в сумки пробирки для микробиологических проб. Жду.

Где-то через час рядом с моей лабораторией с грохотом останавливается огромный КУНГ на базе 131-го ЗИЛа. В кабинет влетает радостный прапорщик.

– Товарищ лейтенант, транспорт подан.

– Танка не было? – спрашиваю я.

– Никак нет.

– В следующий раз только на танке поеду, – говорю я. И на всякий случай предупреждаю. – Это шутка была.

А то приедут в самом деле в следующий раз на танке. Эти военные сарказм и юмор слабо понимают.

Подходим к ЗИЛу. В кабине уже сидят какие-то солдатики.

– Я тут бойцов из госпиталя забрал, чтоб два раза не ездить. Но вы не волнуйтесь – все поместится.

Наивный. У меня четыре сумки, каждая на штатив с пробирками. В пробирках – жидкие среды для анализов. Ещё одна сумка с чашками Петри, для проверки поваров. И всё это добро очень много места занимает.

– Так, бойцы, – говорю я. – Доверяю вам самое дорогое – сумку с пробирками. Держите крепко, не разлейте мне ничего! А я в кузов полезу.

Прапорщик пожимает плечами и открывает кузов. Если бы я знал тогда, что меня ждёт!

Пока ехали по асфальтированной дороге – всё было терпимо. Но потом КУНГ свернул на гравийку в лес, и я почувствовал себя как минимум космонавтом. Меня бросало по всему кузову, в полёте я безуспешно пытался зацепиться за какие-то ремни и выступающие железки. Вслед за мной летела фуражка, чья-то телогрейка и разрозненные кирзовые сапоги. Короче, когда прибыли в часть, проверяющий был слегка не в духе.

Проверка, впрочем, прошла хорошо. Часть располагалась вблизи небольшого городского посёлка. Половина личного состава находилась в родстве. Это тот случай, когда солдат приходил в кабинет командира части и говорил:

– Дядя Боря, отпусти домой, мамке с хозяйством помочь.

А повариха подкармливала бойцов домашними пирожками.

Придрался к парочке незначительных нарушений в медпункте, погрозил столовой за пирожки, собрал смывы и анализы, наваял акт и уехал обратно.

И только в лаборатории, разбирая пробирки, обнаружил в сумках полурастаявшую курицу и пару банок с тушёнкой.

Через пару месяцев я поехал в эту часть с повторным визитом. Сижу, пишу акт проверки и замечаю краем глаза подозрительное движение рядом с сумками. Так и есть! Медсестра незаметно загружает туда банки с тушёнкой.

– Ну что мне с вами делать? – спрашиваю я.

– Товарищ лейтенант, мы от чистого сердца.

– Спасибо, конечно, но не надо. У вас и так всё в порядке.

Медсестра краснеет, я тоже. Сижу, ругаю себя. Два года в санитарной службе, а взятки брать стесняюсь!

– Короче, давайте так. Отнесите тушёнку обратно в столовую и скажите, мол, проверяющий – сволочь принципиальная, ничего не берет. Договорились?

– Договорились.

Сарафанное радио в армии хорошо работает. Больше мне тушёнку в сумку никто не подбрасывал.

А вот моему гражданскому коллеге повезло меньше.

Алексей Иванович, а для своих просто Лёша, закончил университет на год раньше меня и попал по распределению в крупный районный центр. Дефицит кадров и усердие в работе всего через год привели его на должность заведующего коммунальной гигиены.

Однажды в кабинет заведующего пришёл мужчина кавказской национальности.

– Чем могу помочь? – спросил Лёша.

– Я квартиру купил в одном доме. Хочу там салон открыть. Сделаешь? – сразу взял быка за рога кавказец.

– Подавайте заявление. В порядке очереди выедет комиссия для проверки всех условий.

– Ай, зачем нам комиссия? Всё там хорошо. Давай договоримся, – и с намёком показывает кошелёк.

Алексей Иванович был доктор молодой, принципиальный. К тому же наказания за взятки в нашей стране очень серьёзные и сидеть Лёше очень не хотелось.

– Уберите свой кошелёк. Без комиссии ничего не получится. Дом жилой, нужно много факторов учесть.

Кавказец ещё с полчаса поугovarивал заведующего, пока Лёша не разозлился и не выставил настырного посетителя за дверь.

На следующий день бизнесмен снова пришёл на приём.

– Может, всё-таки договоримся?

– Послушайте, уважаемый. Срок рассмотрения вашей заявки – не больше месяца. Если всё будет в порядке – откроетесь через полтора. Вам что, полтора месяца подождать сложно?

Кавказец ломается, что-то бормочет и из его невнятного бормотания Лёша понимает, что всё в порядке не будет. И соседи против, и вкладываться в необходимое оснащение (всякую там вентиляцию, звукоизоляцию) новоявленный хозяин салона не хочет. А хочет отделаться малыми деньгами. Бизнесмен робко достаёт кошелёк и летит за дверь во второй раз.

Думаете, он успокоился?

Прошло всего два дня, и кавказец снова явился. На этот раз с пухлым конвертом.

– Слушай, дорогой, никто ничего не узнает. Хорошие деньги даю!

Алексей от посетителя уже устал. Рассказывал потом, что мелькала мысль сдать настырного бизнесмена в соответствующие органы. Но тут на столе заведующего зазвонил телефон.

– Алексей Иванович, – в трубке раздался голос главврача. – Зайдите ко мне, пожалуйста, на пять минут. Проконсультироваться надо.

Лёша радостно выгнал посетителя вон и убежал к начальству. А когда вернулся – с облегчением не увидел возле дверей кабинета настырного кавказца. А ввиду близости обеденного перерыва решил покурить. Полез в карманы пальто, висящего в кабинете на вешалке, и с ужасом нащупал пухлый конверт, который полчаса назад ему чуть ли не силой предлагал будущий владелец салона.

Паниковать Лёша не стал. Конверт оставил на месте и бросился к главному врачу. И правильно сделал. Когда через двадцать минут главный с Алексеем вернулись в кабинет, у дверей их уже ждали два суровых товарища в гражданских костюмах, но с негражданскими лицами.

Главный был дядька опытный. В похожих ситуациях бывал, поэтому Алексей отделался испугом и парой бессонных ночей. А если бы он не сообразил вовремя или, ещё хуже, взялся деньги рассматривать? Пришлось бы нам ему передачи носить.

С тех пор у Лёши появилась полезная привычка запира́ть кабинет.

А кавказец салон так и не открыл. Потому что в Беларуси наказывают как взяточника, так и того, кто взятку предлагает.

Скоро дембель

На заре карьеры довелось мне послужить в санитарноэпидемиологической лаборатории Вооружённых Сил. С армией мы в итоге не сошлись характерами, но в памяти осталось с десяток историй, одну из которых я вам и расскажу.

Нарушения бывают устранимые и неустранимые. Например, в зоне моей ответственности был военный госпиталь, в котором располагалось отделение хирургии. Основное правило любой хирургии – разделение потока больных на гнойных и чистых. Гнойные не должны контактировать с чистыми никак. Поэтому ОЧХ и ОГХ разводят на разные этажи.

У хирургии в госпитале был всего один этаж. И пациенты, как их ни сторожили, ходили в общий туалет.

Неизменно при каждой проверке я писал в акте: «Обеспечить изоляцию гнойной хирургии от чистой». При этом и я, и начальник госпиталя понимали, что нарушение это неустранимое. Не может же госпиталь себе ещё один этаж пристроить или туалет в какой-нибудь палате оборудовать.

А вот с устранимыми нарушениями я боролся не на жизнь, а на смерть, за что в подконтрольных частях меня за глаза называли «принципиальной сволочью».

Наш военный городок имел историческое значение. Он был основан больше полувека назад, и с тех пор ремонт в его зданиях не проводился.

Хотя я видел и более древние постройки. Например, в одной из частей на территории моего коллеги на казарме висела мемориальная доска: «В этой казарме с 18... по 18... квартировал гусарский полк его Императорского величества».

Некоторые казармы в моей части были построены немцами в годы Второй мировой для своих нужд. А когда на старте своей карьеры я запросил документы по водоснабжению части – мне принесли коричневую папку с хрупкими пожелтевшими листами, под которыми стояла подпись некоего народного комиссара.

Это предыстория. История началась однажды в декабре.

Прихожу в понедельник в лабораторию и начинаю обзванивать медпункты на предмет поступивших за выходные больных. Отчёт по заболеваемости ещё никто не отменял. Первый медпункт – в норме, второй – в норме. А вот в третьем какая-то вспышка ОРЗ. Сразу восемь человек, и с утра ещё четверо поступают. Бросаю всё и мчусь в третий медпункт.

Картина грустная. Медпункт полон сопливыми и кашляющими бойцами. Провожу краткий опрос: так и есть – все из одного подразделения, из одной казармы. Мало того – с одного этажа. Третьего, верхнего.

Бегу в казарму. Так и есть! Декабрь в этом году выдался слякотный, температура болталась в районе нуля. Снег, выпадавший на крыши и плац, не успевали убирать. Он немедленно таял. А казарма старая. Её крышу кое-как летом залили битумом, от морозов тот потрескался, а теперь началась оттепель, крыша не то что протекает, а ручьями течёт.

Поднимаю одеяло на одной из коек. Простыню и наволочку хоть выжимай! Влажность в помещении зашкаливает. Подхожу к висящему на стене гигрометру-психрометру. Тот сходит с ума. А в журнале учёта влажности – всё в норме. Начинаю медленно закипать.

– И давно у вас так? – спрашиваю у дежурного.

Молчит. Глаза на меня пучит. Бойтся, что по шапке получит. Не от меня, так от командира. Ну что взять с солдата?

Прихожу к командиру подразделения.

Так и так – в казарме крыша течёт, поэтому и заболеваемость среди личного состава. Рекомендую крышу починить. А на время ремонта переселить третий этаж ниже и изолировать в целях нераспространения заболевания.

Командира я застал в парке, поэтому он сразу кричать начал и могучим волосатым кулаком по броне танка стучать.

– Да ты, доктор, совсем о...ел! Ты мне подготовку личного состава срываешь! Какое расселение? Какой ремонт?

А бойцы всё болеют.

Делать нечего, пошёл я к начальнику командира подразделения. Тот принял меня в своём кабинете, поэтому тоже начал кричать. И могучим волосатым кулаком стучать по полированной столешнице стола советского производства.

– Вы в своей СЭЛке от действительности оторвались! Как я тебе посреди зимы ремонт буду проводить?

А больных всё больше.

Я набрался наглости и пошёл к самому главному.

У главного были полковничьи погоны и мечта о генеральских лампасах, поэтому кулаком стучать он не стал. Презрительно посмотрел на меня и спросил:

– Ты чего, летёха, хочешь мне весь план учебной подготовки сорвать?

– Товарищ полковник, – вытянулся я. – Прогнозирую заболеваемость среди личного состава в данном подразделении на уровне 70–75 %. Высока вероятность повторных случаев среди уже переболевших, что чревато осложнениями. Поэтому план учебной подготовки и так будет сорван.

Командир берёт телефонную трубку, звонит начальнику третьего медпункта.

– Капитан? Сколько у тебя больных на текущие сутки? Да, сэловец тут примчался с шашкой. Сколько? Вот, б...ть! – полковник от души хрястнул трубкой по телефону.

– Так что будем делать, товарищ полковник?

Командир части мрачно посмотрел на меня.

– Уже сдал, небось?

– Отчёт по заболеваемости отправлен моему непосредственному начальнику в восемь утра.

А сам думаю: «Тебя, гад, если не сдать, то ремонт на месяц затянется».

– Вот не можешь ты, лейтенант, по-человечески. Иди. Сегодня всё будет.

В течение часа на крышу загнали двух прапорщиков с ведрами расплавленного битума и рубероидом, и те при помощи матюков и славянского «авося» кое-как крышу залили. До весны хватило, а там опять началось всё по-старому.

Раз в полгода на мою голову сваливалась из столицы комиссия в составе пары подполковников. Вместе со мной они ездили по частям на подконтрольной территории и проверяли уже мою работу. Естественно, о приезде комиссии я знал за неделю, поэтому успевал подтянуть хвосты и запастись вазелином. Потому что без вазелина в армии никак.

В очередной раз приезжает грозный подполковник. Вожу его по частям, показываю столовые, медпункты. Начальство морщится, но особо не придирается. Ещё бы. Заранее предупреждённые начпроды и начмеды перед ним чуть ли не ковровую дорожку расстилают.

Проверяющий притомился. Возраст всё-таки. И захотел кушать. Везём его в ближайшую столовую. Поварихи в накрахмаленных до хруста передниках выносят поднос с яствами. Начальство кушает, благожелательно посматривает по сторонам.

И тут с потолка, прямо перед носом подполковника (хорошо, что не в тарелку) падает огромный жирный таракан. Проверяющий смотрит на меня и хмурит брови. Я разрываюсь между желанием расхохотаться и спрятаться под стол.

Шлёп! Ещё один крупный таракан повторяет путь своего собрата и звонко приземляется на плитку пола. Читал я, что бывает дождь из рыбы, но чтоб из тараканов, да ещё в закрытом помещении...

Оказывается, начстоловой накануне проверки решил экстренно потравить тараканов. Что за порошок рассыпали brave повара по углам – это я не знаю. Но тараканов торкнуло только через два дня – как раз к приезду проверки. И они, во-первых, перестали контролировать свои лапки, во-вторых, повылазили изо всех щелей. Наверное, для того, чтобы умирая, проклясть коварных людей последними тараканьими проклятиями. Дальнейший приём пищи проходил под градом падающих с потолка и стен тараканов.

Подполковник уехал недовольный, грозя мне выговором и дальнейшими карами. А я усмехнулся, достал из кармана блокнот и зачеркнул ещё одно число. До дембеля оставалось двадцать два дня.

Несвежий взгляд на дедовщину

Сразу начну с того, что я против дедовщины. Сам, будучи офицером, очень жалел затюканных «старшими товарищами» солдат и пытался им помочь по мере сил. Иногда борьба с дедовщиной доходит до маразма и напоминает стрельбу из зенитки по воробьям. Иногда спасает молодых парней от поступков, которые изменят в худшую сторону всю их жизнь. Вот несколько историй.

Однажды вечером в медроту поступил звонок из первой казармы. Звонок сорвал с места начмеда, хирурга и реаниматолога-анестезиолога, которые стремительно прогрохотали сапогами мимо моего кабинета.

В коридоре казармы сидел на полу солдат, лицо которого было в чём-то зелёном. Вокруг столпились его сослуживцы. Солдат выпил полбанки краски, которой в парке красили технику. Речь у него была спутанной, сознание боец терял периодически. Врачи на месте оказали первую помощь, промыли желудок, вкололи препараты из запасов реаниматолога. И на машине начмеда доставили в госпиталь.

Через неделю боец оклемался, и комиссия, созданная для расследования этого инцидента, смогла его допросить. Оказывается, боец решил на суицид из-за давления со стороны двух старших товарищей – рядовых Петрова и Сидорова. В течение последних двух месяцев они унижали его морально и физически, отбирали еду, заставляли выполнять мелкие поручения. В общем, классическая дедовщина. Всё бы ничего, если бы не один момент. Молодой боец был ростом 187 см и весом под 100 кг. Рядовые же Петров и Сидоров едва доставали ему макушками до плеча и суммарно весили приблизительно столько же. На вопрос – почему солдат с такими габаритами не решился дать отпор обидчикам, суицидник промолчал.

Петрова с Сидоровым осудили и отправили в дисбат.

Через полгода случился второй инцидент. Один из солдат молодого пополнения повесился в сушилке, захлестнув ремень за батарею. Батарея оказалась советской, вес бойца выдержала, а вот ремень, к счастью, оказался современного производства, поэтому лопнул. Солдат с грохотом свалился на пол, где его и повязал подоспевший дежурный.

Опять расследование. На вопрос – отчего тебе жить надоело, – солдат начинает размазывать по лицу слезы и сопли. Мол, обижают, унижают.

На вопрос – кто конкретно – солдат мямлит что-то нечленораздельное. На всякий случай взяты на заметку все пять дембелей. Дембеля после случая с Петровым и Сидоровым в ужасе. Они отрицают любые намёки на неуставняк. Никто молодого и пальцем не трогал!

Наконец старому замполиту удалось расколоть суицидника. Оказывается, его бросила девушка! На выпускном в школе они поцеловались, а спустя три месяца отношений парня забрали в армию. Она, конечно, обещала его ждать. Ещё через два месяца написала письмо.

Видел я это письмо. Начинается классически: «Прости солдат...»

(Отступление:

– Девушки, б...ть, кто вас учит писать такие письма! Ну приехала бы, поговорила с человеком: так мол и так, разлюбила, прости, классный ты парень, но не судьба. Так нет же, надо начитаться женских форумов и написать такую херню, чтоб человек в петлю полез. Солдату и так в армии не сахар, а тут ещё и вы со своими письмами!)

Когда же суицидника спросили – чего ж он в таком случае в причинах своего поступка указал неуставные взаимоотношения, тот ответил, что постеснялся рассказывать, что вешался из-за девки. А из-за дедовщины как-то солиднее, что ли. О том, чем грозит его признание дембелям, солдат как-то не подумал.

А вот совершенно другая история. В нашей части служил сержант Иванов. Приехал Иванов из какой-то деревни, был человеком добродушным, простоватым, но исполнительным. В

армии Иванов чувствовал себя как рыба в воде. Кормят, спать можно до 6 утра, вода горячая есть, унитаз чистый. Иванов всерьёз подумывал о контракте, и грезились ему погоны прапорщика.

И вот как-то стоит Иванов в карауле, о контракте мечтает. Лето, жара, пить хочется. А тут пробегает по каким-то солдатским делам боец нового призыва. Неделя в армии – форма мешком сидит. Иванов обращается к нему:

– Сударь, не соблаговолите ли вы принести страждущему стакан воды, если вас, конечно, не затруднит?

Напоминаю, Иванов был парень из деревни, поэтому просьба, скорее всего, прозвучала чуть попроще и грубее. Боец сослуживцу в просьбе не отказал. Но, забежав в казарму, достал из кармана мобильный телефон и позвонил МАМЕ. Мол, меня тут деды прессуют. Мама оказалась женщиной деятельной, начала обрывать телефоны и электронную почту Министерству обороны и лично президенту.

Иванов стакана воды не дождался, достоял свой караул, мучаясь от жажды, а инцидент с мимо пробежавшим бойцом по простоте душевной забыл. Каково же было его удивление, когда через два дня в часть прибыла высокая комиссия в составе полковников и подполковников для расследования «случая неуставных взаимоотношений» со стороны сержанта Иванова.

Месяц вся часть стояла на ушах. Иванова таскали на допросы, грозили дисбатом, лишили звания сержанта. Ему ещё повезло, что офицеры его подразделения как один встали на защиту бойца, которого они всё время службы знали как дисциплинированного солдата, и в мыслях не допускавшего неуставных взаимоотношений. В итоге оправдали Иванова, но о дальнейшей службе, о карьере прапорщика ему пришлось забыть.

Что же молодой боец, позвонивший маме? В течение всего года службы этот тип отравлял жизнь окружающим. Несамостоятельный, неаккуратный, слабый физически и морально. Он вечно кляузничал офицерам и звонил маме. Мама, к слову, приезжала каждые выходные и подкармливала дитятко.

Сталкер поневоле

С 1986 года прошло более тридцати лет, и мы стали как-то забывать об опасности малых доз радиации. Причём забыли не только граждане, далёкие от физики и медицины, но и специалисты. В своих постоянных командировках по стране я бываю на территориях с ограниченным допуском после аварии и вижу, как туда возвращается жизнь. Как колхозные стада пасутся на полях прямо под столбами с предупреждением о радиационном заражении. Как в эвакуированных деревнях появляются люди.

Может быть, это выбор переселенцев. Кто-то не устроился на новом месте, кто-то захотел вернуться к могилам предков. Но есть определённый контингент, который никто не спрашивает. Это военные. Особенно пограничники. Вот про одну пограничную часть, точнее про её врача, с которым мы когда-то учились, и пойдёт сегодняшний рассказ.

Облаку радиоактивных газов, которое ласковый весенний ветерок нёс в сторону Гомельской области, никто не объяснил, что всего через пять лет в этом месте будет проходить Государственная граница между двумя независимыми республиками. Фонащие пыль и пепел вольготно расположились в полесских лесах, разнеслись грунтовыми и паводковыми водами, включились в жизненные циклы растений и животных.

Н-ская воинская часть оказалась не в самом центре этого безобразия, но в черте отселения. В 1986-м туда, конечно, приехали команды ликвидаторов. Они мыли здания и асфальт плаца, пичкали солдат какими-то лекарствами. Сняли верхний слой земли с газонов, закатали в рулоны и увезли на могильники. Летом 1987 года в часть приехала комиссия с дозиметрами. Комиссия походила между казарм, помахала истерично пищащими приборами, наконец вынесла вердикт: «Часть пригодна для временного пребывания личного состава».

Заброшенной оказалась одна из казарм, внутри которой превышались все мыслимые нормы, забили досками вход и окна солдатского клуба. В некоторых местах на асфальте были нарисованы белой краской неровные круги, в которые солдаты старались не наступать. Увезли в неизвестном направлении технику, оружие, форму. Вместо этого выдали всё новое, ещё блестящее и пахнущее смазкой. И зажили по-прежнему.

Военнослужащие получали спецпаёк, наблюдались у врачебных комиссий, отдыхали в санаториях. А потом Союз развалился, и всем стало пофиг. А через полтора десятка лет всё окончательно забылось. Стёрлась белая краска на асфальте, ушёл в прошлое спецпаёк и санатории. Но люди остались.

Однажды летом командир вышел на крыльцо штаба и заметил, что шиферная крыша медпункта неприлично весёленького зелёного цвета. Вместе с начмедпункта командир подставил лестницу и обнаружил, что крыша плотно заросла целым ковром из мха и какой-то травки. Часть-то посреди леса. На крышу заносило семена, споры. Вот и разросся целый огород.

– Безобразие! – сказал командир. – Что за непотребство творится у вас в хозяйстве, товарищ доктор? Немедленно устранить и привести крышу в надлежащее состояние.

– Ять, ять! – привычно отозвалось лесное эхо.

Командир сказал – подчинённые сделали. Начмедпункта нашёл двух сержантов, выдал им инструмент и отправил устранять огород на крыше. Час проходит, два. Сержанты скоблят шифер лопатами и скребками, весело переговариваются. Солнышко припекает, сержанты разделались по пояс, загорают, курят, планируют, что в увольнительной делать будут. А ещё через час мимо окон медпункта пролетело первое тело. Доктор выскочил на крыльцо. В голове одна мысль: «Поскользнулся, сучёныш! Ноги переломает!»

Сержант лежит на газоне, глаза закрыты, но в сознании. Доктор зовёт второго – тишина. Солдаты лезут на крышу: второй сержант лежит, вцепившись в мох обеими руками, на губах –

пена, глаза закатываются, вся крыша в следах рвоты. Доктор обоих в машину – и в ближайший город! Сержанты сидят бледные, дышат с трудом.

И тут до врача начинает медленно доходить. В 1986 году молодой доктор только родился. Поэтому весь этот страх перед радиацией прошёл как-то мимо него. Когда отправляли по распределению в часть, намекнули, конечно, что находится она на самом краю зоны. И в лес без нужды ходить не надо, а местные грибы-ягоды лучше внутрь не употреблять.

Привезли сержантов в больницу, а там уже люди поопытнее да постарше начмеда. Поставили солдатам целый ворох диагнозов. Тут и солнечный удар, и воздействие неизвестного пока отравляющего химического вещества, ну а через некоторое время и острую лучевую болезнь. Оказывается, за годы своего роста мох накопил в себе радиоактивную пыль. Лежала она, нетронутая, в толще зелени, и никакие дожди её не смывали. А тут сержанты с лопатами. Мох срывали, пыль столбом, попадала в дыхательные пути, желудок, глаза. Какую дозу успели схватить сержанты, пока сознания не лишились, – это только через неделю спецкомиссия определила.

Врачу, конечно, вставили по самое не балуй. Мол, он должен был знать и предвидеть. Командиру тоже неслабо досталось. Сержантов вылечили, но проблемы со здоровьем у них будут. Через месяц приехала группа в оранжевых комбинезонах и весь мох с крыши соскоблила, упаковала в мешки и на могильник увезла. Краску на асфальте обновили, новый дозиметр доктору выдали.

А вскоре наступила зима. А с ней – режим экономии. Кому-то в правительстве пришла чудесная мысль, мол, давайте будем экономить российские газ и нефть, а топить вместо этого будем отечественным топливом – то есть торфом и дровами. Что ж, правительство сказала – военные сделали. Часть, о которой я рассказываю, отапливалась собственной котельной. Её переоборудовали на твёрдое топливо, и пошли в лес дрова искать. Умудрённый опытом доктор за дровяным нарядом отправился с дозиметром.

Лесхоз выдал разрешение на добычу твёрдого топлива в ближайшей дубраве. Прошёлся доктор по дубраве – вроде всё в норме. Дозиметр показывает нехорошие цифры, но только в определённых местах. Мы туда ходить не будем. Оградил зону порубки и пошёл себе в часть обратно.

Солдаты поработали хорошо. Сложили на хоздворе целую кучу отличных дубовых дров. Доктор опять к куче с дозиметром. Цифры скачут, но в пределах нормы. Ну, отлично.

А через три дня свалился солдат, который выгребал золу из котельной. Доктор – к куче золы. А дозиметр с ума сходит. Деревья сгорели, а радиоактивная пыль осталась. И в золе образовался концентрат. Солдата – в больницу. Снова комиссия, снова пинки от начальства.

Доктор служит в зоне и поныне. Так испугался, что стал чуть ли не лучшим медицинским специалистом по радиации в округе. С дозиметром не расстаётся, и, видно, всё правильно делает, потому что солдат с диагнозом «острая лучевая болезнь» от него больше не привозили.

Если узнает себя в главном герое рассказа, то пусть сильно не ругается – я ведь всю правду написал.

Пришелец и ушелец

После окончания университета волна распределения унесла меня далеко от столицы – в областной центр Беларуси. И там я затосковал. Молодой жене ещё три года учиться. Видимся с ней раз в две недели. Жилье – угол в чужой двухкомнатной квартире, зарплата – жалкие гроши, подработки никакой. Один плюс – коллектив хороший. Но я последние шесть лет жил самостоятельно, зарабатывал неплохо, а тут под тридцатник пришлось опять родителям на шею залезть. А главное – никакой перспективы. И как-то сама собой созрела у меня мысль – податься доктором в какую-нибудь силовую структуру. Что я, зря тёмными осенними вечерами на военной кафедре просиживал? Там и зарплата получше. И с жильём что-нибудь нарисуеться.

Сунулся в МВД – все места заняты, в МЧС – та же история. Осталась армия. Опытные люди подсказали мне адрес головной медицинской организации при Министерстве обороны, я набрался наглости и пошёл.

Этап первый: собеседование

Поднимаюсь на верхний этаж типичного советского здания на окраине города, открываю дверь и вижу длинный коридор со множеством дверей и строгого прапорщика, который эти двери охраняет.

– Извините, а мне нужен полковник Иванов – начальник...

И тут по коридору раскатывается басовитое:

– Вашу мать!!! Дибелунги!!! Какой идиот тут напортачил?

Прапор молча тыкает пальцем вдоль коридора.

Ага, это я правильно зашёл. Иду на голос.

В кабинете сидит седой полковник с иконостасом афганских наград на груди и терзает двух бледных подполковников. Завидев меня, отпускает добычу и грозно вопрошает:

– Тебе чего?

Голос меня подвёл. От страха горло издало только мышинный писк.

– Товарищ полковник, я бы хотел послужить Родине.

– Выпускник, что ли? Военная кафедра есть?

– Есть!

– Документы сдашь в третий кабинет! Свободен.

Это было самое короткое собеседование в моей жизни.

Этап второй: медкомиссия

Примерно через месяц на моё имя пришла повестка, и меня отправили на прохождение медкомиссии. Естественно, никто ради меня врачей собирать не стал, и новоявленного доктора засунули в толпу очередных призывников.

Забава ещё та, я вам доложу. В небольшом замкнутом пространстве коридора районного подросткового диспансера носятся с выпученными глазами три сотни семнадцатилетних школьников в трусах, а то и без них. И я среди них. Двадцать восемь мне уже, а я в армию собрался!

Хирург долго изучает мои документы. Потом внимательно смотрит на меня из-под очков.

– Коллега, вы в своём уме?

– А чего? – удивляюсь я.

– Первый раз вижу человека, который добровольно кладёт голову в пасть полковника Иванова.

– Неужто так плохо?

– Не то чтобы плохо, – пожимает плечами хирург. – Ну что ж, приедете с проверкой – вспомните, кто ваш сколиоз пропустил.

И с грохотом ставит печать.

– Какой сколиоз? – кричу я, но меня уже смывает толпа беструсых призывников.

Этап третий: я бы ещё немножко шил

Ещё через месяц мне пришла вторая повестка, я посетил Генеральный штаб, где на меня долго смотрел глазами Феликса Эдмундовича молчаливый особист. Видимо, лицо моё внушало доверие, а в родственниках не было арабских террористов, потому что не прошло двух недель, как мне приказали явиться на склад за комплектом формы.

Всю ночь мы с женой в квартире малоизвестных дальних родственников пришивали к кителю и шинели непонятные погоны и шевроны. Я же был полный профан в этом деле! Звонил знакомым армейцам, те ржали в трубку и рассказывали поэтапно, куда что пришивать.

Наутро я впервые натянул всё это на себя и посмотрел в зеркало. Из зеркала на меня глянул чужой сердитый человек с погонами. Я косо ухмыльнулся, человека перекосило, и новоиспечённый лейтенант понял, что где-то внутри это всё-таки я.

И поехал в часть. Иду по вокзалу, чемоданом помахиваю. Фуражка с непривычки давит.

А тут навстречу – суворовец. Мальчишка лет двенадцати. Увидел меня, в пяти шагах перешёл на строевой шаг, вытянулся и промаршировал мимо, чеканя шаг и пробивая асфальт подошвами. Я тоже вытянулся, встал, как генерал на трибуне мавзолея, и стараюсь не улыбаться. Так и тянет рявкнуть: «Здравствуйте, товарищи бойцы!» А откуда-то издали эхом донесётся многоголосое: «Здра-а-а-а!»

Этап четвёртый: ушелец

Прошло два года. В армии мне в принципе понравилось. Но к исходу контракта выяснилось, что оставаться дальше под крылом Министерства обороны мне не с руки. С жильём я пролетел (будет про это отдельный рассказ), и поэтому влез в дикие кредиты на однокомнатную квартиру. Жена вкусила все прелести жизни в военном городке, сбила каблук в тёмных лесах, торопясь на утренние электрички в столицу, прочувствовала хлеб офицерской подруги, в конце концов, забеременела и забастовала.

И тут внезапно оказалось, что есть такая профессия – медицинский представитель. Это когда всякие импортные фармкомпании завозят в нашу страну лекарства и рекламируют их через живых врачей (кому интересно – фильм «Любовь и другие лекарства» или книга «Как я продавал Виагру»). Я со вздохом натянул вместо кителя непривычный свадебный костюм и пошёл на собеседование. В первой же компании меня оторвали с руками, предложили оклад в четыре раза больше моей офицерской зарплаты и малолитражную «шкоду» в виде служебной машины. И сказали, что подождут, пока я разберусь со своим контрактом.

Оставались пустяки – сбежать от Министерства обороны.

За два месяца до окончания контракта звонит специалист по кадрам (не помню, как должность правильно называется) – приезжай контракт продлять.

Я:

– Не буду, идите нафиг.

Через пять минут звонит первый начальник:

– Ты чё, офигел?!

Я:

– Пошёл и ты нафиг.

Он:

– Немедленно прибыть.

Приезжаю.

Он начинает:

– Да как ты можешь, бла, бла. Родина тебя грудью вскормила.

Я:

– Иди нафиг!

Они моему непосредственному начальнику:

– Уговаривай.

Начальнику сразу говорю:

– Иди нафиг!

Тот руками развёл:

– Что я сделаю?

Меня в штаб – там какой-то суровый полковник уговаривает:

– Что ты хочешь? В столицу? Должность? Звание капитана? Всё будет в течение месяца – только подпиши.

Я уже прошаренный, меня голыми руками не возьмёшь. Наслушался историй, как молодые офицеры вот так контракт подписывали, а потом обещанного до следующего контракта ждали. Говорю:

– Утром деньги, вечером стулья, иначе идите нафиг.

Он меня ещё к одному начальнику. Тот ещё к одному. В каждом кабинете я стою на своём.

Последний кабинет – замминистра обороны по мед-обеспечению. (По совместительству отец моего знакомого военврача.) Тот уже в курсе. Устало смотрит на меня:

– Ты точно решил?

– Точно, пошло всё нафиг.

– Зарплату сколько предлагают?

Я:

– ...дцать тысяч у. е.

– Больше, чем у меня, – вздыхает он. И подписывает холопу вольную.

И пошёл я в люди.

Девяностые в районной вольнице

Ночные гости

В середине лихих девяностых я учился в медучилище и параллельно подрабатывал санитаром в приёмном отделении районной больницы. Историй было много. Страшных, весёлых и грустных, хватало всего. Пожалуй, начну с этой.

Как-то вечером поздней весной в приёмной раздаётся звонок. На скорой везут пострадавшего в ДТП, ничего страшного, но хирургов и травматологов лучше заранее предупредить. Надо – значит надо. В приёмку из отделения спускается бригада. Ждём-с.

Во дворе скрипит тормозами многострадальная «буханка». Мы с напарником подхватываем носилки и мчимся по лестнице. В скорой стонет «типаж»: здоровенный дядька с толстой золотой цепью на шее. Этот чудик купил навороченный по тем временам джип и решил его испытать. Разогнал до скорости света, с управлением не справился и впилился в опору моста. Рулевым колесом сломал нижние рёбра, в остальном его ангел-хранитель не дремал.

Мы с трудом загрузили это тело на носилки и потащили. Тут же нарисовался главный врач, освободилась VIP-палата, засуетились травматологи. Дядька только постанывает. По всей больнице шухер. Главному уже несколько раз звонили весьма «авторитетные» люди. Короче – рентген, гипс, всё как полагается. Пациент лежит в палате, как король. Из кабинета главного ему притащили телевизор. На тумбочку рядом с койкой поставили ДВА мобильных телефона с длинными антеннами. Если бы не рёбра, наверное, и медсестру рядом положили бы.

Потихоньку всё затихло.

Полночь. Сажу на подоконнике в коридоре, курю и смотрю в окно. В тёмный двор, освещаемый только одиноким фонарём, въезжает чёрный джип. Как по команде открываются все двери и выходят ЧЕТВЕРО. Выходят и идут к служебному входу. А надо вам сказать, что этот вход на ночь закрывался. Ключи были у санитаров, то есть у меня. Впускать посетителей в больницу после восьми вечера категорически запрещалось. А они ИДУТ.

Подошли к двери. Один протянул руку и позвонил. У меня паника. ЧТО ДЕЛАТЬ? Впускать – получу утром от завоут-деления. Не впускать – так они тут всю больницу взорвут. И, что самое главное – никого, с кем можно посоветоваться! Напарник спит, отделения спят. Пока ментов вызовешь – полчаса пройдёт! Я одним вдохом докурив сигарету и решил спускаться. Десять шагов по знакомой лестнице дались мне нелегко. Тряслись колени, вспотели руки. Дверь я открыл с трудом.

В темноте двора на меня надвинулись четыре огромных силуэта.

– Тут... это... наш братан попал, – густым басом сказал передний.

– Ага, – пискнул я.

– Нам бы пройти.

Из темноты протянулась огромная лапища и что-то сунула мне в нагрудный карман.

– Ага, – снова пискнул я и отодвинулся.

Четверо зашли, пробыли в отделении минут двадцать, а потом спустились и исчезли в темноте. Только закрыв за ними дверь, я дрожащими руками достал из нагрудного кармана смятую бумажку. Там была моя полуторамесячная зарплата и стипендия в одном флаконе.

А дэтэпэшника утром увезли в столицу.

Опалённые зоной

1997 год. Кризисы в то время шагали по стране семимильными шагами, поэтому всё вокруг ужималось и сокращалось. И в один прекрасный день мы узнали, что в наше приёмное отделение будут привозить не только алкашей (вырезвитель закрыли), но и различных криминальных личностей для всяческих освидетельствований, а также для оказания им первой медицинской помощи. Мы, конечно, очень обрадовались.

В приёмной появились два врача соответствующей специальности, их приняли традиционным тортиком, и уже через неделю прибыли «клиенты».

Первыми привезли двух испуганных деревенских парней, лет 16–17. Их обвиняли в изнасиловании тридцатипятилетней дамы. Ребята тряслись, как осиновые листья, ёрзали на жёстких кушетках в приёмной. Два дюжих сержанта не спускали с них глаз. Парням постригли ногти, взяли образцы кожи, слюны, крови и т. д.

А через пару часов привезли «жертву». Когда дама вплыла в приёмное – мы, честно говоря, опешили. Возникал справедливый вопрос – кто кого изнасиловал. Жертва весила килограммов сто и каждого из своих насильников могла уложить одной левой. Даму осмотрели и увезли.

История кончилась закономерно. То ли парни тянули спички, то ли один оказался виноватее – короче, дама вышла замуж за своего насильника. Что у них там было дальше – история умалчивает.

Через пару дней в дверях приёмной появился небритый мужчина, пристёгнутый браслетами к плечистому милиционеру. Пациент жаловался на боли в спине и выдавал все симптомы почечной колики. К слову, привезли его из ближайшего отделения, куда пациент поступил по обвинению в злом хулиганстве, совершённом в состоянии алкогольного опьянения и нанесении прохожему телесных повреждений средней степени. На руках и спине поступившего синими чернилами по коже была запечатлена летопись его жизни. Судя по всему, жизнь у него была бурная и сложная.

Пациенту назначили анализ мочи, милиционер отстегнул наручники и проводил в туалет. Через минуту из туалета раздался грохот и маты. Пациент встал ногами на унитаз и попытался вылезти в крохотное окошко под потолком. И в лучших традициях Винни Пуха застрял. Ждать, пока он похудеет, не стали – выломали вместе с оконной рамой.

Анализ делали очень быстро и уже через полчаса мы узнали, что с такими анализами пациент должен был умереть ещё до поступления. В моче были сплошные эритроциты (кровь, короче).

– А ну покажи руки! – приказал поступившему опытный милиционер.

Тот нехотя показал.

Оказалось, что пациент прокусил палец и добавил в мочу каплю крови. А все симптомы колики успешно симулировал, чтобы получить возможность побега.

Через день привезли ещё одного замечательного пациента. Синие летописи на коже присутствовали в том же объёме. Но фантазия у него была развита гораздо больше. В процессе освидетельствования пациент на минуту остался в туалете без присмотра. А в отделении, как назло, в тот день чинили оконную раму. И какой-то идиот оставил на видном месте молоток и гвозди. Так наш пациент не придумал ничего лучше, чем прибить мошонку гвоздём к дверце туалета. Вызвали хирурга и столяра с плоскогубцами. Репродуктивную функцию спасли. Пациента передали в соответствующие службы.

Минут через двадцать я спустился покурить и увидел совершенно офигевшего хирурга, который докуривал третью сигарету.

– Что с вами? – спросил я.

– У него там подшивники, – по секрету поделился хирург.

– Где? – не понял я.

– В том самом месте. Под кожу вживлены. Первый раз такое вижу.

Бедный наш хирург. За последующий год он увидел ещё много интересного. Проглоченные бритвенные лезвия «Ленинград», гвозди в желудке и в мягких тканях. Вазелин, закачанный в кулаки и в тот же многострадальный половой орган. Приёмная обогатила свой словарный запас воровской феней и многоэтажными матами. У нас появились знакомые в криминальной среде, а за одной из медсестёр долго и настойчиво ухаживал романтичный молодой рецидивист. К счастью, его посадили за попытку украсть из ювелирного магазина что-нибудь в подарок возлюбленной.

А потом МВД выделило районной милиции деньги, и всё вернулось на свои места.

Гвозди бы делать из этих людей

Воскресенье. Вечереет. Ничто не предвещает беды. Санитары приёмного отделения лениво перебрасываются картами. Медсестра что-то заполняет в одном из многочисленных журналов. Начало сентября, ещё тепло.

Внезапно на столе начинает истошно дребезжать телефон.

– Приёмная районной больницы, – привычно отзывается медсестра. И тут же меняется в лице. – Сколько? Поняла. Ждём.

И тут же нам:

– Звоните немедленно всем хирургам и травматологам. Под городом авария, рейсовый автобус столкнулся с грузовиком. Более сорока пострадавших. Большую часть привезут нам.

А вечер обещал быть томным.

Через двадцать минут, оторванные от телевизора и семьи, к больнице слетаются врачи. Первая скорая уже здесь. За ней несётся вторая, третья. Приёмная наполняется стонущими, плачущими людьми. Автобус был заполнен под завязку. Ехали в общежития студенты, пенсионеры возвращались с дач. К счастью, серьёзных повреждений мало. Легкие ЗЧМТ, ссадины, поломанные пальцы, разбитые носы. Бригады скорых пациентов не сортируют, забрасывают пострадавших с места ДТП в приёмку и улетают за новой партией. А уж приёмная разбирается, у кого глаз подбит, а у кого рёбра сломаны. Старенький списанный восточными немцами рентгенаппарат стонет от непривычной нагрузки.

Погибший один. Сам водитель автобуса. В последний момент он пытался увести автобус от удара, и грузовик смял кабину прямо напротив водительского места.

В приёмной – преддверие чистилища. Крики, стоны, на линолеуме лужи крови. Скамеек и кушеток не хватает, прибывающие ложатся прямо на пол. Из областного центра уже вылетел вертолёт санавиации с подмогой.

Золотое правило сортировки больных: «Обращай внимание не на того, кто кричит, а на того, кто затих. Возможно, скоро ты его потеряешь!» Твёрдо помня этот принцип, выхватываю из толпы тихую бабульку, сидящую в углу на расстеленной газетке.

– Что у вас?

– Да ты не волнуйся, внучок. Всё хорошо у меня. Вот, когда падала, лбом ударилась.

Над бровью у пациентки небольшое рассечение. Обрабатываю, накладываю повязку. Проверяю на ЧМТ.

– Голова не кружится? Сознание не теряли?

– Да всё у меня хорошо.

Бабушка наклоняется ко мне и доверительным шёпотом сообщает:

– Я тут живу недалеко. Ты бы отпустил меня, внучок. Я уж сама дойду.

В двух шагах белугой орёт здоровенный мужик с переломанным мизинцем, рыдает студентка с разбитой скулой. Поэтому колебался я недолго.

– Если ничего не беспокоит – утром придёте! Имя, адрес я записал. Нам тут немного разобраться надо.

– Да неужто я не понимаю? Приду утром, обязательно приду. Вы уж тут постарайтесь.

И старушка скрылась в вечерних сумерках.

Каюсь, про своё должностное преступление я до утра забыл. Гипсовали, носили, накладывали швы и повязки. И всё в крике, в воплях.

Светало, когда я на дрожащих ногах выбрался из приёмного и стрельнул сигарету у полусонного от усталости хирурга. Пациентов рассортировали. Кого положили в травматологию, кого отправили домой. Водитель покоился в морге, в реанимации под аппаратами лежал старик с разрывом селезёнки.

Тишина. И тут в конце улицы появляется неспешно ковыляющая фигурка. Приближается – и я узнаю давешнюю старушку, которую я отпустил домой. Она подходит к нам с хирургом, улыбается.

– Намаялись, соколики? Вы уж простите, что я так рано.

– Голова беспокоит? – с тревогой спрашиваю я.

– Да нет, с головой всё хорошо. Нога у меня чего-то распухла. Вот я и пришла.

Нога в самом деле распухла. Делаем рентген. На снимке – перелом большой берцовой кости. Бабушка вечером УШЛА на своих ногах, а утром опять же на НОГАХ пришла. А молодые и здоровые с синяками и ушибами ползали по полу и звали санитаров.

Всё-таки послевоенное поколение крепче нас. Гвозди бы делать из этих людей.

Ванька-встанька

Летняя ночная смена в приёмном отделении городской больницы выдалась на редкость тихой. На своих двоих приковылял нетрезвый мужичок, вздумавший окунуться в реку в черте города. В результате наступил на стекло, распорол стопу, но спиртное обезболивающее работало хорошо. Так и топал в больницу по городу босиком, оставляя на асфальте кровавые следы.

Ближе к полуночи патруль привёз бомжеватого алкаша. После капельницы пациент пришёл в сознание и отреагировал на процедуру неожиданно благодушно. Даже традиционной драки с санитарями не затеял.

В полпервого мой напарник зевнул и сообщил, что пойдёт в подсобку спать.

– Если лежачего привезут – ты меня буди.

И ушёл. Стало совсем скучно.

И тут – скрип раздолбанных тормозов, и в приёмник вбегает женщина с выпученными глазами и с окровавленным кульком из одеяла в руках.

– Спасите!

Нам не привыкать. С такими криками в приёмную каждую неделю прибегают.

– Что у вас случилось?

– Да вот, Ванечка! – и женщина разворачивает кулёк.

Внутри мальчишка лет трёх-четырёх. Все лицо измазано кровью. Перепуган больше матери и, видимо от испуга, молчит. Медсестра вызывает в приёмную хирургов, врач осторожно расспрашивает мать.

Оказывается, в семье из поколения в поколение передаётся старая детская кровать. Такая, знаете, клетка на колёсиках. Жуткое творение. Путь на свободу в этом устройстве преграждают железные прутья. Ванечка на волю очень хотел. А поэтому один из прутьев расшатал, выдернул из гнезда и по закону подлости на этот же прут открытым ртом и напоролся.

Мама увидела, что изо рта орущего ребёнка хлынула струя крови, схватила, что под руки попало, и помчалась в больницу.

Приходит хирург Николай Иванович. Такой типичный хирург – мрачный дядька большого роста, с огромными руками и толстыми пальцами.

– А ну-ка, Ванечка, открой ротик.

Ванечка смотрит на доктора, как Мальчиш-Кибальчиш на буржуинов. И крепко сжимает челюсти.

– Так, – вздыхает доктор. – Мама, уговаривайте ребёнка.

Минут десять сюсюканий и уговоров. Ванечка держится как Марат Казей.

– А вот смотри – Дед Мороз полетел, – хирург изображает удивлённое лицо и смотрит в окно.

– Где? – вскакивает наивный Ванечка. И тут коварный доктор жертвует указательным пальцем. Ваня с укором смотрит на врача и сжимает челюсти.

– Б...ь! – интеллигентно восклицает Николай Иванович, стряхивая с пальца малолетнего Щелкунчика.

Похоже, сейчас не только мальчику потребуются медицинская помощь.

На помощь «безруким мужикам» приходит второй хирург – Галина Валерьевна. Каким-то чудом ей удаётся уговорить Ваню открыть рот.

– Повреждение есть, но ничего страшного, – улыбается Галина Валерьевна. – Железка распоролла мягкое небо. Выглядит страшно, но заживёт быстро. Можно для порядка пару швов наложить.

– Шейте, – всхлипывает мать пациента.

– Несите Ваню в перевязочную, – командует мне Галина Валерьевна. – А вы, Николай Иванович, помогать будете.

Хирург оторвался от созерцания своего повреждённого пальца и кивнул.

Не тут-то было. Ваня понял, что его уносят на казнь, и внезапно завопил. Ещё громче завопила его мамаша. От их сдвоенного крика я чуть не разжал руки. Ещё чуть-чуть – и одной травмой нёба Ваня бы не отделался.

– Мамаша, перестаньте нервировать ребёнка, – нахмурилась Галина Валерьевна. – Там возни на две минуты. Если так переживаете – надевайте бахилы, халат, рядом постоите.

Мама Вани торопливо переодевается. Ваня орёт.

Приношу пациента в перевязочную, укладываю на стол. Ваня орёт. Ну и хорошо. Хоть рот открывать не придётся. Николай Иванович наматывает на многотрадальный палец полотенце и с отчаянным вздохом вкладывает его в капкан. Ваня захлопывает челюсть.

– Б...ь, – интеллигентно стонет хирург. – Галина Валерьевна, шейте быстрее.

– Ванечка! – в истерике всхлипывает мамаша. И падает в обморок.

Ловить падающих в обморок – обязанность санитаров. Каюсь, я не успел. Руки у меня были заняты Ваней. Поэтому его мама с размаху ударяет головой столик с инструментами и растягивается на кафельном полу.

Николай Иванович в третий раз повторяет свою немногословную интеллигентную фразу.

К мамаше бросается с нашатырём медсестра. К счастью, видимых повреждений не наблюдается. Мама Вани хлопает глазами и с трудом приподнимается.

– Может, вы выйдете из перевязочной? – спрашивает Галина Валерьевна.

– Нет! – истерично вскрикивает мама Вани. – Я должна всё видеть.

– Ну хорошо, – хирург склоняется над малолетним пациентом, заносит шприц с обезболивающим.

И мама Вани беззвучно снова падает в обморок.

– Унесите её, – сквозь зубы рычит Галина Валерьевна.

Две медсестры, поднатужившись, вытаскивают бездыханное тело в коридор.

Ребёнок орёт уже не столько от боли, сколько от страха. Ещё бы – вокруг него толпа незнакомых дядек в белых халатах, ещё и мама постоянно падает. К слову, в перерывах между обмороками мама Вани тоже не отличалась адекватным поведением. Хватала меня за руки, отталкивала хирургов. Короче, помогала, как могла.

– Ваня, посмотри на меня! – командует Галина Валерьевна.

Ребёнок переводит на хирурга заплаканные глазёнки, и тут доктор двумя ловкими движениями зашивает ему нёбо.

– Ну вот, а крику-то было, – вздыхает Николай Иванович, осторожно высвобождая многотрадальный палец из Ваниных челюстей.

– Ма-а-ама, – подвывает мальчик.

– Теперь можно и маму запустить.

Галина Валерьевна с довольной улыбкой открывает дверь перевязочной.

Мама Вани видит окровавленную мордашку своего сына и... молча падает в обморок. Причём делает это настолько быстро, что поймать её снова не успели. Невезучая мамаша расколола головой стеклянный столик, и следующие полчаса мы зашивали рваную рану уже на её затылке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.